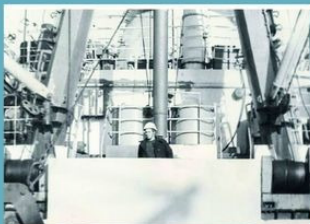

18+

Алексей Макаров

НЕЛЬСОН

Морские рассказы

Алексей Владимирович Макаров

Нельсон. Морские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062622

ISBN 9785449008527

Аннотация

На каждом судне есть судовые механики. Их труд для постороннего взгляда незаметен. Их работа тяжела. О чувствых и переживаниях этих суровых людей мне хотелось ознакомить своих читателей в книге из серии «Жизнь судового механика». Истории, рассказанные в этой книге в какой-то степени которые коснулись и самого автора. Часть текста также опубликована в книге «Морские рассказы». Все совпадения имён и событий случайны.

Содержание

Введение	5
Нельсон	8
Жизнь судового механика	8
Глава первая	9
Глава вторая	22
Глава третья	32
Глава четвёртая	38
«ПОЖАР»	57
Жизнь судового механика	57
Глава первая	58
Глава вторая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Нельсон

Морские рассказы

Алексей Владимирович
Макаров

© Алексей Владимирович Макаров, 2025

ISBN 978-5-4490-0852-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В первой книге «Морских рассказов» автор коснулся необычной для читателя темы.

Эта тема для сухопутного человека немного чужда. Потому что не каждому человеку приходится проводить дни и месяцы, а иногда и годы, в открытом море, подвергаясь воздействиям стихии, с которой человек ещё до сих пор не может справиться.

Для большинства читателей море – это место для отдыха и развлечений.

А для некоторой категории людей – это суровый труд. От результатов этого труда многое зависит.

Для хозяина судна – целостность судна. Для фрахтователя – бесперебойная доставка грузов. А для самих моряков – успешное возвращение домой.

А самое главное – это жизнь моряков, а сохранность её и объединяет их всех в одно целое. Безопасность её, в какой-то степени, обеспечивают судовые механики.

Их труд незаметен. Судно вовремя пришло в порт – заслуга механика. Его за это никто не похвалит и не ободрит. Это просто его работа. Для этого и существует на судах должность судового механика, чтобы всё было безопасно и исправно.

Судно задержалось в рейсе или, не дай бог, потерпело ава-

рию – виноват механик. И тогда его взгреют по полной программе.

На море нет национальностей, которые порой разделяют многие государства. На море есть только одна национальность – это моряки. Они в любой ситуации протянут другу руку помощи и поделятся последней рубашкой.

В некоторых рассказах этой серии книг автор описывает события от первого лица. Но это только оттого, что автору было легче вжиться в образ героя очередного рассказа и ярче представить себе все события, которые были рассказаны автору его друзьями и знакомыми.

Да, отчасти это так и было. Но многое из того, что описано в «Морских рассказах», – это обычная морская жизнь, эпизоды которой, хотя и рассказаны от первого лица, произошли не только с самим автором, а и со многими его друзьями и знакомыми. Пусть они простят автора этих рассказов, что он их истории передал от своего имени.

Автор очень рад, что вы прочли эти строки. Значит, вам не всё так безразлично в этом мире.

Все события в этих рассказах являются плодом авторского вымысла. Все совпадения имён, дат, названий и сюжета являются случайными. Местоимение «Я» в данном тексте обозначает не Автора, а вымышленного персонажа.

Чавсть рассказов данной книги взяты для публикации в моей последующей книге «Морские рассказы».

*С уважением ко всем морякам и их семьям,
Алексей Макаров.*

Нельсон

Жизнь судового механика

Глава первая

Да, этот рейс оказался для меня одним из самых тяжёлых в моей жизни. Я чувствовал себя полностью вымотанным. Иногда я чувствовал себя отжатой тряпкой. Меня оставалось только повесить на ветру, и я бы болтался на нём без сопротивления и сушился.

Вот и сейчас, после того как «Кристина О» ошвартовалась в порту Ватерфорд, это поганое чувство меня не покидало.

После морского перехода, во время которого в проливе Святого Георга «Крестину» валяло, как ваньку-встаньку, она подошла к устью реки. Болтанка прекратилась, и до порта уже по глади реки пришлось идти ещё полтора часа вверх по течению. Иной раз я выходил из машинного отделения и вместе с Кразимиром, нашим поваром, смотрел на берега реки, перекидываясь незначительными фразами о том, как изменился облик окружающих холмов по сравнению с осенними пейзажами.

С тех пор как я приехал на судно в декабре месяце и по сегодняшний день рейс, так и оставался неизменным: Авенмаус – Ватерфорд.

И вот в этом самом Ватерфорде сейчас опять стоит ошвартованная «Кристина О». Я сидел в ЦПУ и ждал команды об окончании швартовки.

Володя, наш новый капитан, по громкой связи позвал меня:

– ЦПУ – мостик.

Я приподнялся с кресла и в тангетку ответил:

– Мостик – ЦПУ. На связи.

– Ну что, машине отбой! – бодрым и громким голосомскомандовал он. – Выводи главный. Приготовь всё к стояночному режиму. Продолжительность стоянки неизвестна.

– Понял, – вяло ответил я и отрепетовал: – Машине отбой, готовность суточная, – и в ожидании последующих указаний смотрел на тангетку.

Но в ответ ничего не последовало и, подвесив тангетку на крючок, пошёл останавливать насосы, обеспечивающие ходовой режим.

Поставив главный двигатель на обогрев и дождавшись, пока компрессор подкачает воздух в баллоны, прошёл к котлу и убедился, что он запустился в автоматическом режиме. И всё. Я могу спокойно покинуть машинное отделение. Контроль за работой механизмов в моё отсутствие осуществляется автоматикой.

В машине уже делать нечего. Поднявшись в ЦПУ, я сел в своё знаменитое кресло и закурил. Передохнув, поднялся на две палубы выше и вышел на главную палубу.

Судно стояло у причала контейнерного терминала, полностью огороженного колючей проволокой, а если потребуется выйти за его пределы, то оставался только проход вдоль

причальной линии. Все контейнеры находились внутри этой колючки. Таким образом власти порта ограничивали доступ посторонних лиц к контейнерам.

Я посмотрел на небо. Погода истинно английская. Низкие облака, из которых временами сыпал мелкий и противный дождик, а над гребнями ближайших холмов висел туман. Такая хмарь как раз соответствовала моему паскудному настроению. На душе было мутно. Всё вокруг настолько опротивело, что я не знал, куда бы себя деть.

Но тут с мостика, грохоча по трапам ботинками, спустился бодрый и довольный Володя.

– Что не весел? – походя поинтересовался он.

А я, понимая, что вопрос задан просто так, для проформы, пропыхтел:

– А что тут веселиться? Встали и ждём неизвестно чего.

Но он так же весело, скалясь белозубой улыбкой, ответил:

– Сегодня никаких грузовых операций не будет. Суббота! Так что ждём завтрашнего утра. Оно-то нам точно принесёт какие-нибудь новости.

«Слава богу, – подумалось мне, – хоть этой ночью можно будет поспать спокойно в своей кровати».

Я посмотрел на Володю, а он уже и забыл, что только что говорил мне. Его одолевали свои мысли, которыми ежедневно занята голова капитана.

– Пойдём глянем, куда нас занесло, – предложил Володя.

– Пошли, – послушно согласился я, хотя за последние

несколько месяцев уже вдосталь нагляделся на красоты Ирландии.

Пройдя на противоположный борт, мы встали, оперлись о планширь фальшборта и тупо смотрели на серую гладь реки, по которой только что подошли к причалу.

На противоположном берегу виднелись какие-то разрушенные старинные строения, около которых плавали лебеди. Полюбовались на лебедей. Всё-таки какая это грациозная птица!

Помолчав, я поделился с Володей:

– Пойду я прогуляюсь по берегу. Тоска меня заела.

Он понимающе посмотрел на меня:

– Пошёл бы и я с тобой прогуляться, но есть другие дела, – и, подумав, добавил: – Ладно, иди один, а я займусь бумагами, чтобы хоть вечером немножко отдохнуть. Ты там с прогулкой не очень-то задерживайся. Я заказал агенту пузырьрёк. Он скоро его привезёт. А филины уже готовят барбекю. Так что посидим здесь под тентом, пропустим по надцать граммук на зуб, – так же скалясь и улыбаясь, проинформировал он меня.

– Спасибо. Попробую не опоздать, – уже веселее ответил я и двинулся к трапу.

Филиппки как раз только что закрепили трап, вываленный чуть ли не до самой колючей изгороди контейнерного терминала.

Выйдя на причал, я прошёл мимо колючки, затем вдоль

старинных полуразрушенных строений, которым было лет по двести-триста. По всей видимости, здесь раньше стояли очень хорошие дома состоятельных людей, а сейчас от них остались только полуразрушенные стены. Межэтажные перекрытия и крыш у них давным-давно уже обрушились, а внутри стен росли только крапива с чертополохом – и больше ничего.

Пройдя вдоль мрачных развалин, я направился к дороге, ведущей на трассу, по которой грузовики вывозили контейнеры с терминала.

Несмотря на субботний вечер, но ворота остались открытыми, и только за стеклом будки виднелась голова охранника. Увидев меня, он махнул рукой, разрешая выйти с терминала, и я не спеша двинулся по дороге.

Куда надо идти, я не знал, потому что ещё не ходил по этой дороге, а только по карте видел, что до трассы тут около пары километров. Подумалось: «Пройдусь до трассы, а там посмотрим, что делать дальше».

Окрестности вокруг терминала я исходил ещё в начале весны, когда деревья и кустарник ещё не покрылись листвой, а сейчас вдоль дорожного полотна пробивались даже цветочки, проглядывающие своим разноцветьем сквозь густую зелёную траву.

За воротами порта сразу начинались поля и луга для выпаса животных. Все они огораживались естественными на-

саждениями – терновником.

Терновник высаживался по периметру всех полей и лугов. Сейчас он цвёл нежно-жёлтыми цветами. Издали, посмотрев на эти естественные изгороди, можно было подумать: «Какое это красивое растение. Как оно похоже на женщину своей нежной расцветкой». Но когда подойдёшь ближе к нему и присмотришься к этим цветам, то поражаешься: а и в самом деле женщина. За невинностью и нежной красотой ярко-жёлтых цветов тебя подстерегала опасность. Изнутри, из-за каждого цветка, торчали громадные шипы.

Да! Через этот естественный забор из терновника вряд ли кто проберётся. Только внизу, где ветки не доходили до земли, можно проползти, да и то не человеку, а мелкому животному.

Я шёл не спеша, разглядывая зелёные луга и цветущий терновник. Дождь перестал. Я даже сложил зонтик и с удовольствием вдыхал тёплый влажный воздух, пропитанный запахом разнотравий.

За зарослями терновника проглядывала зелень лугов, а в просветах этого естественного забора виднелись пасущиеся или лежащие коровы, вяло жующие жвачку. На других лугах паслись овцы.

Неожиданно эту идиллию нарушило какое-то шевеление под кустами терновника. Я остановился и пригляделся, надеясь, что мне это показалось. Но нет. Из-под кустов выска-

чил заяц. Я застыл, чтобы не спугнуть ушастого. Заяц пошевелил ушами, повертел головой и вернулся обратно на луг, проскользнув под нижними ветками терновника. Вероятно, травка на лугу его больше привлекала.

Слева от меня раскинулись распаханное поле, уже чем-то засаженные. Я перешёл на другую сторону дороги, чтобы посмотреть на пашню. А и в самом деле, на ней проклёвывалась какая-то зелень. Или мне это только показалось?

На свежей пахоте виднелись цепочки заячьих следов. Кто-то из этих длинноухих, наверное, пересекал дорогу, чтобы побегать и поноситься по просторам пашни, а потом вернулся обратно на правую сторону дороги, на луга.

Дорога пошла немного вверх, но я так же не спеша продолжил свой путь, не обращая внимания на начавшуюся морось. Но это уже был не дождь. Воздух настолько пропитался влагой, что мельчайшие капельки воды так и висели вокруг меня в воздухе.

Комбинезон я надел плотный и тёплый, надёжно защищающий меня от влаги. Как я работал в нём в машинном отделении, так и вышел с судна, не переодеваясь. В рабочих ботинках, в бейсболке, которыми нас снабжали бензовозы, и с зонтиком под мышкой.

У водителей бензовозов всегда можно было выпросить пару кепок, кружку для чая, какой-нибудь проспект, ручки – всякую мелочь, которую им то ли давали для рекламы, то ли она у них как хлам валялась в машинах.

Бензовозы бункеровали нас раз в месяц дизельным топливом. Иной раз с водителями этих бензовозов я подолгу болтал. Мужики попадались самые разные – простые и обыкновенные. Без всяких выкрутасов. Поэтому мы свободно говорили о политике, о личных переживаниях, о жизни в стране. Вообще обо всём, что придёт на ум во время непродолжительных бункеровок.

Так что, идя вдоль дороги, я не чувствовал ни холода, ни мороси. Ничего. Шёл себе и шёл, ни о чём не думая.

Мне так хотелось побыть в тишине, мне так её не хватало! За последние месяцы я очень устал от постоянного шума работающих механизмов, вибрации и постоянной качки, и моей мечтой было спрятаться от всего этого.

А сейчас здесь, среди полей и лугов, меня радовало, что вокруг не было ни проходящих машин, никакого постороннего шума – ничего. Вокруг стояла только тишина.

Я остановился и присел на придорожный столбик, который не знаю для чего торчал у обочины. Километровые столбы (здесь они отмеряли мили) стояли чуть поодаль, а это был обыкновенный столбик. Ну, обычный столбик, который неизвестно кем и неизвестно для чего тут оказался вкопанным.

Он оказался очень удобным. Я сидел на нём и бесцельно смотрел по сторонам, выпуская дым от ароматной сигареты.

Меня окружала благословенная тишина и спокойствие. Душа как будто начала оттаивать. Затушив окурок, я поднял-

ся и пошёл дальше. В обволакивающем меня тумане и сетке мороси слышался только хруст моих башмаков об обочину дороги, засыпанную гравием.

Я шёл, шёл и шёл. Ни о чём не думая, только наслаждаюсь долгожданной тишиной и воздухом, насыщенным влагой и пропитанным ароматом разнотравья лугов.

Постепенно тишина стала пропадать из-за шума проезжающих по трассе машин. По мере приближения к ней гул проезжающих автомобилей становился всё громче и отчётливее. Пора поворачивать назад. Не хотелось вновь возвращаться в цивилизацию. Хотелось хоть намного, но оттянуть встречу с ней.

И вдруг! Мне показалось или это оказалось явью? Как будто сбоку от меня, чуть правее и сзади, раздался писклявый голосок:

– Ой!

У меня пронеслась мысль: «Что за хрень такая?» – но голос и в самом деле слышался сзади:

– Ой-ой-ой!

В испуге подумалось: «Ну, ничего себе! Что же это такое?» Я оглянулся по сторонам – никого нет.

Вновь подумалось: «Вот это да! Это точно крыша у меня уже едет. Как говаривал наш молодой старпом Валерка: тихо шифером шурша, крыша едет не спеша. Да... Что не спеша, так это точно, но что она у меня съезжает – однозначно».

Я остановился и осмотрелся. Что же это такое? Откуда

идёт голос?

Но вокруг никого не было. По-прежнему всё было так же тихо и спокойно. Я ничего не понял и попытался продолжить свой путь.

Но только я сделал первый шаг, как вновь послышалось:

– Ой! Ой!

Я вновь в недоумении остановился.

Странно, что это за «ой-ой» такое? И ещё раз осмотрелся. Под ногами ничего. Вдоль дороги ни спереди, ни сзади никого.

Тогда я перевёл взгляд на придорожные кусты терновника и, приглядевшись к зелени, неожиданно для себя среди жёлтых цветков одного из кустов, а точнее на его колючках, увидел небольшое жёлтое пятно.

Сосредоточив на нём взгляд, я неожиданно понял, что это не густое соцветие жёлтых цветков терновника, а какая-то жёлтая игрушка.

Сойдя с дороги и перепрыгнув через канаву, отделявшую кустарник от дороги, я подошёл к кустам и с удивлением принялся разглядывать свою находку.

Протянув осторожно руку к кусту, чтобы не уколоться, я снял с его иголок небольшого плюшевого медвежонка такого же жёлтого цвета, как и цветы терновника и поэтому сливавшегося с жёлтыми цветами кустов.

Откуда он мог здесь взяться? Я терялся в догадках.

Действительно, в руках я держал плюшевого медвежонка.

Он весело улыбался и, расправив толстенные ручки, тянулся ко мне.

Полюбовавшись на свою находку, я полушутя поинтересовался у найдёныша:

– Чего кричишь?

А он, как будто в ответ на мой вопрос, кивнул головой и махнул мне в ответ ручкой.

От таких действий нового знакомого я опешил. Это что? Явь или глюки?

Поморгав и протерев глаза, я вновь посмотрел на странного незнакомца. Я никак не мог сообразить, слышал я его голос или нет. Правда это, что со мной происходит, или мне всё это кажется? Разговаривает этот зверь со мной или это уже у меня в голове точно что-то шуршит?

Но всё-таки мишка оказался реальностью, и он действительно застрял в иголках куста терновника, ветви которого под воздействием небольшого ветерка слегка шевелились и издавали то ли шелест, то ли скрип.

Мишутка сидел на иголках. Это точно. Он не упал, а задержался на иголках терновника, когда кто-то его выкинул из проезжающей машины, поэтому и висел там.

Разглядывая свою находку, я непроизвольно подумал: «Вот это да! Если кому рассказать, то не поверят же. Точно посчитают, что у „деда“ крыша поехала».

Но чем больше я его разглядывал, тем больше он мне нравился. Каким же он оказался красивым и хорошеньким,

но только абсолютно мокрым.

Медвежонок весело улыбался мне. Глазки у него были весёлые и довольные, оттого что я нашёл его, и он теперь не пропадёт, поэтому настроение у меня само собой приподнялось и хандра, последние дни не оставляющая меня, куда-то исчезла.

Разглядывая свою находку, я непроизвольно заговорил с мишуткой:

– Привет. Ты что тут делаешь? Как ты тут оказался?

А он, как будто поняв меня, в ответ махнул лапкой.

– Привет-привет, – слышалось мне.

– Ты что, и в самом деле со мной разговариваешь? – как с самым настоящим существом, понимающим меня, заговорил я. – Ну, говори, говори.

От произошедшего мне как-то стало тепло и спокойно. Значит, с кем-то и в самом деле можно будет поговорить в трудную минуту.

– Да ты весь мокрый и холодный, – посетовал я. – Иди ко мне поближе. Погрейся. Друзьями с тобой теперь будем.

Я расстегнул ворот комбинезона и положил мишутку к себе на грудь. Пусть согреется и обсохнет.

На трассу идти как-то сразу расхотелось. Не хотелось вновь очутиться в объятиях цивилизации, хотелось хоть немного оттянуть встречу с ней.

Заглянув за отворот комбинезона, я посмотрел в глаза спасённого мишутки. Вижу, а у него сбоку прицеплена ка-

кая-то бирочка с надписью. Надев очки, чтобы разглядеть надпись, я прочёл: «Нельсон».

– Ха! Так тебя что, Нельсоном зовут, что ли? – удивлённо спросил я.

Мишутка в ответ как будто даже подмигнул мне.

– Вот это да! Ну и нормально! – От изумления, что меня вновь поняли, я покрутил головой: – Ну, привет, Нельсон. Пошли назад, будем вместе куковать на нашей «Кристине». Будешь жить у меня, я тебя отопрею, высушу, и ты будешь у меня всегда в тепле. Будешь говорить мне хорошие слова. Утром будешь говорить «Доброе утро!», вечером – «Спокойной ночи!». Давай будем друзьями?

Мишутка, как бы согласившись со мной, опять подмигнул мне и утвердительно кивнул головой.

«Да, «дед», тебе точно пора домой, под бочок к жене, – вновь невольно подумалось мне.

– Но какой ты хорошенький! Какой замечательный! Я тебя тут не оставлю. Пошли домой. – И, застегнув поплотнее комбинезон, чтобы Нельсон смог согреться, я развернулся и пошёл обратно к порту.

Уже не обращая внимания на окружающий меня пейзаж, я снова подумал: «Вот это да! Надо же! Или мне это всё кажется, или Нельсон и вправду со мной разговаривает? Не понимаю».

Глава вторая

Но тут же мне вспомнился случай, который случился со мной на «Бурханове».

Судно работало на линии Владивостока – Сиэтл. В Сиэтл мы уже сходили два раза. Ходили с погрузкой и выгрузкой в Магадане. Продолжительность рейса составляла полтора месяца. В Сиэтле я познакомился с одним мужичком, бывшим стармехом из Приморского пароходства, по фамилии Зайцев. Он жил там с молодой женой и пятилетней дочкой Машей. Как-то раз он попросил меня:

– На стоянке во Владивостоке придёт к тебе на «Бурханов» мой сын. Я с молодой женой уехал впопыхах и все свои вещи оставил в Находке. Он привезёт тебе несколько ящиков с моими личными вещами. Возьми их с собой, а я у тебя их тут в Сиэтле заберу. Если, конечно, тебя это не затруднит.

– Не затруднит, если там бомбы не будет, – полушутя пообещал я ему.

– Хорошо. Значит, я звоню сыну? – обрадовался Юра.

И когда мы пришли во Владивосток, в один из вечеров приходит на борт парень.

– Я – сын Зайцева, – представился он. – Я вам привёз ящики для папы.

– Хорошо, а что же ты предварительно не позвонил мне и не сказал ничего? – удивился я его неожиданному появле-

нию.

– Папа мне сказал, что я могу прийти к вам в любое время, – наивно ответил он.

Мы уже стояли в порту несколько дней, и я уже, грешным делом, подумал, что Зайцев не смог сообщить ничего сыну и он не приедет.

– Хорошо, давай тащи сюда свои ящики, – поняв ситуацию, разрешил я.

Так он притащил не несколько, а пятнадцать больших ящиков из-под яблок весом, наверное, по двадцать с лишним килограммов. Здоровенные и тяжеленные оказались эти ящики. Я забил ими всю ванную комнату в каюте. И плюс к тому же он принёс два свёрнутых ковра.

«Господи, – думаю, – вот это да, вот это я влетел. Что мне теперь с этими вещами делать?» А потом решил, понадеявшись на русский авось: «Да ладно, может быть, пронесёт».

Таможня во Владивостоке особо нас тогда не трясла. Семён Иванович умер, и никто такими ловкими пальцами не лез в карманы пиджаков, чтобы оттуда достать один рубль или лотерейный билет за тридцать копеек, которые могли бы серьёзно подорвать экономику СССР. А после выявления такого преступления несчастного морячка, который по пьяни забыл вынуть из кармана советское достояние, лишали визы и возможности совершать заграничные рейсы.

Мы же стояли на линии. Вozить ни в Америку, ни из Америки было особенно нечего. Это же не японская линия, ко-

гда оттуда прут всяческое барахло, машины и всё остальное к ним в придачу.

Так оно и вышло. Никто особо нас не досматривал. По каютам таможенники не ходили. Мы заполнили декларации, принесли их в столовую, где, как обычно, собирали их при отходах. Этим дело и закончилось. Всё. Так и отошли из Владивостока.

Ну, отошли и отошли. Обычно я с утра ухожу в машинное отделение на работу, возвращаюсь в обед, после обеда опять пропадаю в машине. Вечером смотрю какой-нибудь фильм по видеку и ложусь спать. Такой режим работы и отдыха установил я для себя в течение рейса.

Но где-то дня через четыре просыпаюсь ночью оттого, что кто-то кукарекает. Странно, интересно, думаю: «Вот это да! Что у меня, крыша едет или я дурак какой-то?»

Я обошёл, осмотрел всё в каюте. Кукареканье раздавалось откуда-то из ванной комнаты. Но в ней под самый подволок стояли злополучные ящики и невозможно было понять, откуда это нечто кукарекает. Думаю: мне это кажется. Положил голову на подушку, заснул – и всё. Больше не слышал кукареканья.

На следующую ночь произошло то же самое. А каждый день, приближаясь к Америке, мы переводили часы – на один час через два дня. Получается, что в первый раз оно закукарекало в два часа ночи, потом в три, потом в четыре часа.

А из Владивостока в Сиэтл с нами решил проехаться корреспондент какой-то то ли сан-францисской, то ли сиэтловской газеты. Он неплохо говорил по-русски.

По-английски я тоже тренировался, особенно сейчас, потому что в рейс с нами пошла Галина Степановна – преподаватель английского языка.

Как она нас дрючила, бедных и несчастных! Она вычисляла, где мы можем находиться, ловила нас, и после этого мы минимум два часа проводили в её твёрдых, жёстких объятиях преподавателя английского языка. Из этих тисков уже невозможно было никуда вывернуться. Галина Степановна скручивала из нас верёвки и вбивала в нас этот английский язык со страшной силой «П нулевое», невзирая на ранги и должности.

А тут ещё и американец. Так что вбитые знания, подчерпнутые из уроков Галины Степановны, мы понемножку применяли к этому американцу. С носителем языка велись различные разговоры на всевозможные темы. Ох и любопытный оказался этот корреспондентик. В общении с ним иногда использовались слова и выражения, которые Галина Степановна вбивала в нас кувалдой. После этого они залегали в памяти глубоко и надолго.

И вот как-то утром, проснувшись от кукареканья, я поднялся на мостик и увидел там американца, тупо уставившегося в лобовое стекло.

«Бурханов», построенный в Финляндии имел длину око-

ло 180 метров. Моряки эти суда между собой называли «морковками». Судно имело ледовый класса, мощное и два мощнейших дизеля, а метровые льды для него в полярных морях он расщёлкивал, как семечки.

Сейчас мы шли на одном дизеле, соблюдая экономичный режим. Приближались к Алеутам. Штормило, баллов пять-шесть, но качки практически не чувствовалось из-за солидных размеров судна. Не выдержав тишины мостика, я обратился к корреспонденту:

– Майкл, ты живёшь в каюте прямо надо мной. Я – старший механик, если ты помнишь, – на что тот утвердительно кивнул.

Мы с ним уже не один раз вели различные беседы, в которых то он поправлял мой английский, то я его русский. Поэтому, убедившись, что он меня понимает и слушает, я продолжал:

– По ночам тебя ничего не тревожит? – На эти слова Майкл с удивлением приподнял брови. – Потому что расположение твоей каюты примерно такое же, как и моей. – Я постарался развеять его непонимание: – И туалет, и ванная у тебя находятся так же, как и у меня.

– Правда? А я и не знал об этом. Значит, мы по-настоящему соседи? – Майкл повеселевшим взглядом смотрел на меня.

– Конечно, соседи, – продолжал я. – Даже и вентиляция из туалета и ванной у нас одна. Так я вот о чём хочу спро-

силь тебя, — мялся я, как бы покоректнее задать вопрос. — Из вентиляции у тебя кукареканья не слышно?

Корреспондент широко открыл глаза и от моего вопроса они у него округлились.

— Нет, ты знаешь, у меня в туалете ничего не кукарекает, может быть, тебе это послышалось? — и он с удивлением уставился на меня.

Я подумал, что он не понял моего вопроса, поэтому попытался поподробнее рассказать о тревожащей меня проблеме:

— Ночью, то ли в два, то ли в три часа, там что-то начинает кукарекать.

— Нет, у меня в туалете ничего не кукарекает, — подозрительно глядя на меня, уверил меня Майкл.

Узнав, что у него в каюте ничего не кукарекает, я попросился с корреспондентом и без задней мысли вернулся в каюту.

Через полчаса забегает ко мне капитан:

— Дед, ты что, совсем сдурел, что ли?! Ты что к американцу пристал? Он вообще думает, что у тебя крыша поехала, потому что у тебя там, — он постучал себя кулаком по голове, — где-то ночью что-то кукарекает.

— Ты знаешь, Валерий Николаевич, на самом деле кукарекает, — попытался я объяснить ситуацию возбуждённому капитану.

— Да не может быть, чтобы кукарекало! — так же напирал он.

– Хорошо, тогда я приглашаю тебя на концерт этого кукареканья. Давай приходи, посидим, послушаем, – я посмотрел на часы. – Ну, часика через полтора. Придёшь?

Капитан и точно пришёл в назначенное время.

Мы сидим, пьём чай, курим и ждём.

И в самом деле, вдруг послышалось: «Кукареку!» Услышав петушиный призыв, капитан подозрительно уставился на меня.

Тут уже пришла моя очередь отвязываться, и я с ехидцей поинтересовался:

– Ну что? Кукарекает? Слышишь?

– Точно! Кукарекает, – покачал головой капитан, почесав в ухе пальцем. – Думал сначала, что показалось. А оно и в самом деле кукарекает. А где оно у тебя кукарекает? – он уже с интересом смотрел на меня, забыв про чай.

– Да вон там, в спальне, – махнул я рукой в сторону спальни.

Из спальни дверь шла в ванную комнату, дверь в которую я держал открытой.

В ванной комнате находились ванна, туалет, и ещё там можно было бы и в футбол поиграть.

Капитан зашёл в ванную и остолбенел: там всё оказалось забито ящиками.

– Откуда ящики?! – возмущённо завопил он.

– Зайцев попросил привезти. – Я наивно смотрел на бешеного капитана и хлопал глазами.

– Ты что, дед, дурак, что ли?! Если бы ты влетел с этими ящиками во Владивостоке, когда таможня проверяла, пароход бы арестовали! Что ты натворил!

– Но ничего же не случилось... – с прежней наивностью пытался оправдаться я.

– Это тебе просто повезло, что они сюда не зашли, – зло сплюнул капитан. – Да... Ну, ты и дурак, дед! Ёлки-палки, вот это же надо! – От возмущения он потерял дар речи.

Но, успокоившись, поглядел на стопу ящиков.

– Может быть, в каком-то из этих ящиков что-то кукарекает? – предположил он.

– Да я вроде бы перебирал их – и ничего не нашёл, – оправдывался я.

Но кукареканье неслось именно откуда-то оттуда.

Он – бац, бац, бац, ниже, ниже... Простучал по ящикам.

– Да, – говорит, радостно поднимая лицо ко мне. – Вот из этого ящика и кукарекает.

И на самом деле. Я прислушался к этому ящику. Точно! Этот ящик кукарекал.

– Да там, наверное, сингапурский будильник. Кто-то нажал кнопку на нём – и он поэтому и кукарекает, – предположил капитан.

– Да ты что?! – Меня ошарашило такое простое решение проблемы.

Вытащили мы с капитаном этот ящик, отнесли его в кладовку подальше и заперли там. До конца рейса я так его

и не трогал, не заходил в кладовку, но кукареканье в каюте прекратилось.

А когда Зайцев пришёл в Сиэтле к нам на борт, я поинтересовался:

– Что у тебя в ящике там может кукарекать?

– Да, ёлки-палки, это моя жена, наверное, будильник положила, клавишу на нём нажала – вот он и кукарекает, – над его разъяснением мы посмеялись, а капитан и говорит:

– Всё-таки одно нормально, что у тебя с башкой всё в порядке и крыша у тебя нормальная. Ты ещё не чокнулся и не дурак, хоть и в рейсе находишься больше полугода, но соображаешь ты очень хорошо.

И рассказал, что корреспондент примчался к нему и поделился:

– С вашим стармехом проблемы – у него кукареканье в голове слышно. А по нашим законам если моряк находится в море больше четырёх месяцев, то этому человеку нужно отдыхать. А вы уже больше полугода в рейсе. Обратитесь в компанию, чтобы ему срочно предоставили отдых, а то его ни один суд не возьмёт свидетелем в случае какого-либо инцидента.

Капитан, спокойно выслушав озадаченного корреспондента, успокоил его:

– Да всё нормально, мы уже нашли кукареканье, устранили причину, теперь у него нет проблем в каюте.

А перед подходом к Сиэтлу, корреспондент выбрал время,

зашёл ко мне в каюту и поинтересовался:

– Ты меня, конечно, чиф, извини за такой вопрос, но я всё-таки хочу спросить у тебя: у тебя здесь, – он обвёл каюту рукой, – больше ничего не кукарекает?

– Да нет, – успокоил я его, – мы нашли этот ящик, из которого неслось кукареканье, там был будильник.

– Да, это был один из морских анекдотов, я его попытаюсь описать в своих очерках, – рассмеялся Майкл и попросил: – Если ты, чиф, будешь не против этого.

– Напиши, – разрешил я ему.

Мы тепло распрощались. Но описал ли этот случай Майкл, я не знаю.

Глава третья

И вот, пока я гулял с Нельсоном, этот случай непроизвольно вспомнился мне.

«Но, чтобы медвежонок разговаривал со мной, а я это слышал – вот что странно. Это тебе не ящик перетащить», – рассуждал я.

На судно я возвращаться не торопился и ещё долго гулял с Нельсоном по густым рощам рядом с портом. Хозяева засадили их различными деревьями, собранными со всех континентов мира, и, бродя по ней, я наслаждался их видами.

Хозяева ухаживали за деревьями. Проложили многочисленные дорожки и тропинки для прогулок, по которым я долго бродил. Не знаю, нарушил ли я этим ирландские законы о частной собственности, но за прошедшие почти полгода меня никто не остановил и не сделал замечания по поводу моего несанкционированного проникновения на чужую территорию.

Вернувшись на «Кристину», у трапа я никого не обнаружил. Следов вечернего отдыха под тентом тоже не наблюдалось. Вахтенный матрос – филиппок сидел где-то в каюте. Ужин я прогулял. Но Кразимир оставил мне кое-что. Я залез в холодильник, сделал себе бутерброд и разогрел в микроволновке ужин. Поужинал и поднялся в каюту.

Посадил на иллюминатор Нельсона со словами:

– Ну, Нельсон, всё. Теперь мы будем вместе с тобой путешествовать. Будем вместе работать. Теперь ты будешь моим товарищем. Постарайся всегда создавать мне хорошее настроение. Ты согласен?

Нельсон как будто вдруг моргнул глазами и кивнул головой: «Да, согласен».

Вот тут у меня и в самом деле непроизвольно вырвалось:

– Вот это да!

Сняв комбинезон, я принял душ и лёг в кровать. Наверное, это был один из тех редких случаев за последние почти полгода, когда я ложился раздетым в постель.

Обычно я спал не раздеваясь, на диванчике или в своём знаменитом кресле в ЦПУ.

Первый месяц на «Кристине» был для меня самым настоящим кошмаром. Комбинезон я вообще не снимал. Спал, где придётся. Комбинезоны я только менял. Один на мне, другой стирается, а остальные сушатся. Как-то раз старпом Валерка заскочил в ЦПУ и, увидев меня, скорчившегося на стульчике за столом, предложил:

– Дед! А не сделать ли нам для тебя достойное лежбище?

От его предложения я отказаться не смог.

– Но как это сделать? – Меня озадачило Валеркино предложение.

– Не переживай. Всё сделаем быстро. – Валеркин энтузиазм меня всегда поражал.

При первой же стоянке в Авенмаусе Валерка попросили Майкла, чтобы тот отвёз его на ближайшую автомобильную разделку.

Майкл – пенсионер. Ему далеко за семьдесят. Он одинок и скрашивает свою жизнь тем, что ходит по судам и помогает морякам. Просто так, от души. Помогает – и всё. Я ему иной раз наливаю за его доброту по паре канистр дизельного топлива, которым Майкл заправляет свой «Лэнд Ровер». Денег у Майкла достаточно. Поэтому и машина у него очень даже приличная.

Майкл отвёз нас на разделку, где мы за несколько часов отыскивали пару шикарных автомобильных кресел. Хозяин разделки – конечно не бесплатно, но по божеской цене – отдал нам эти кресла и привёз нас с ними обратно на судно.

У Валерки появилось занятие. Он несколько вечеров пилил и строгал постаменты для добытых кресел. Одно из них он установил на мостике, а другое – в ЦПУ.

Кресло и в самом деле оказалось шикарным. Оно крутилось на триста шестьдесят градусов, регулировалось по высоте и по ширине. Его можно было поддуть и отрегулировать наклон спинки и подголовника или разложить, как кровать. Вот тут-то и наступили мои блаженные вахты. Я мог и сидеть, и лежать и, иной раз во время длинных переходов по Бристольскому заливу, даже оставаться в ЦПУ и не под-

ниматься в каюту.

Иной раз Кразимир приносил мне еду прямо в ЦПУ, так как покинуть его не было никакой возможности во время длительных отходов из Авенмауса или подходов к Ватерфорду. Видя, как я мирно дремлю в разложенном кресле сваленный усталостью, он не будил меня, а оставлял тарелки с едой на столе.

Из-за постоянных отходов и приходов я проводил большую часть времени в машинном отделении, где осуществлял пуски механизмов и постоянно контролировал, и обслуживал их.

У меня не было ни моториста, ни механика, ни электрика. Всё приходилось делать самому. Самому всё мыть, красить и заниматься ремонтом. Так что в машинном отделении я, иной раз, ходил по плитам без обуви, в носках, не опасаясь их испачкать. Такая в машине я поддерживал чистоту. Хозяин после двух месяцев моей работы посетил судно и, увидев такую чистоту, даже поднял мне оклад почти на двести долларов.

Но бывали и грязные работы, после которых приходилось всё заново перемывать. А если приходилось произвести какой-либо ремонт, то мне помогали или старпом, или Ромио.

Ромио работал со мной на предыдущем моём судне, балкере. Длина того балкера была 250 метров. Не чета этой «Кристине» с длиной чуть больше ста метров.

При ночных отходах из Авенмауса, да ещё и во время

прилива, то моё нахождение в ЦПУ продлевалось часов на шесть, потому что отливы и приливы в Бристольском заливе достигают девяти метров. А против прилива «Кристина» ползла по девять узлов вместо девятнадцати по отливу.

А если ночью на ходу срабатывала какая-нибудь сигнализация, а я в это время находился в каюте, то приходилось стремглав лететь в машину для устранения причин этого срабатывания.

Поэтому-то и находиться большее время суток мне приходилось в этом знаменитом кресле в ЦПУ, а не в каюте. Я был очень благодарен Валерке за его заботу обо мне.

А тут – в кровати, на свежих простынях – я моментально уснул, как будто провалился в глубокую и тёмную яму. Только утром сквозь сон услышал, что звонит будильник.

Неохотно покинув нагретую постель, я поднялся, протёр глаза и пошёл умываться. Нельсон так же, улыбаясь, сидел на иллюминаторе. Я помахал ему рукой:

– Привет, Нельсон! Как дела?

Он как будто понял меня и улыбнулся своей весёлой и обаятельной улыбкой.

До конца контракта оставалось почти два месяца. В зависимости от того, как наше круинговое агентство пошлёт мне

замену.

Надо было собрать все силы и продержаться оставшееся время в чём ежедневно и помогал своим присутствием мне Нельсон.

Глава четвёртая

Тяжело давался мне этот рейс. Ой как тяжело.

А начиналось всё очень хорошо.

Агентство купило мне билет до Москвы, а из Москвы в Лондон. С полётами всё прошло без задоринки, и я легко добрался до Лондона.

Выхожу в Лондоне из самолёта, тут же проверка. Таможня. Таможенник спрашивает:

– Вы зачем сюда приехали?

– У меня письмо есть от компании, я приехал на судно, – и достал из портфеля сопроводительное письмо.

– Вы на работу приехали? – задал второй вопрос таможенник, прочитав письмо.

– На работу по контракту на судно, – подтвердил я.

– Понятно, – не меняя выражения лица зафиксировал таможенник и шлёпнул мне в паспорт печать.

Всё, допущен в Англию без права на работу на берегу, без права найма на работу.

Прочитав надписи на печати, мне только и оставалось, что поблагодарить этого невозмутимого таможенника:

– Большое спасибо, сэр, – забрать паспорт и выйти из здания аэровокзала.

Телефон агента мне дали ещё во Владивостоке.

Из первой же будки я позвонил агенту и доложил, что я

уже приехал и что нахожусь в Хитроу.

На календаре двадцать четвёртое декабря, головная боль по устройству какого-то старшего механика никому не нужна, поэтому агент постарался отфутболить меня:

– Садись на автобус и езжай в Бристоль, – разобрал я из телефонной трубки, из которой в основном слышались только детские крики и смех.

– А где тут автобус? – невольно вырвалось у меня. – Я первый раз в Англии. Ничего здесь не знаю.

– Не переживай, чиф, – попытался успокоить меня агент. – Всё будет в порядке, только ты выслушай меня, – и начал объяснять мне мои последующие действия: – Перейдёшь дорогу и иди направо, там увидишь автобусную остановку. Купи себе билет до Бристоля. До Бристоля и поедешь. В Бристолье возьмёшь такси и поедешь в Авенмаус. Там в порту тебя ждёт твоя «Кристина О». Понял?

– Понял, хорошо. Спасибо. – Я повесил телефонную трубку и озираясь, постарался определить, куда же мне всё-таки надо двигаться.

Но ничего. Разобрался.

Обменял доллары на фунты, потому что доллары в Англии не берут, только фунты. Поменял сто долларов. Купил за восемнадцать фунтов билет на автобус, отходивший минут через сорок. И у меня ещё оставалось около 50 фунтов. Сел в автобус.

Хороший, комфортабельный автобус. Со мной рядом сел

парень, засунул наушники в уши и так два с половиной часа ехал с этими наушниками.

Напротив меня сидели две женщины. Я не знаю, что можно сказать про одесситок, их я видел в знаменитой Одессе, и мне прекрасно понятны сплетни и анекдоты про них, но тут я впервые услышал, что английские женщины мало чем отличаются от них.

Два с половиной часа они без умолку о чём-то говорили — наверное, у них был какой-то общий интерес. Они так увлеклись разговором, что вообще ничего не видели и не слышали вокруг.

А для меня была интересна сама дорога. Аккуратная, гладкая, с легко заметной разметкой и знаками и влажная от постоянного тумана и мороси. К этому мне не привыкать. Во Владивостоке с мая по июль стоит точно такая же погода.

Интересным оказалось то, что руль у всех машин английский и, естественно, движение не так, как у нас. Но и к этому мне не привыкать. Во Владивостоке почти все машины с правым рулём. И сам я езжу на такой же праворульной тачке. И не знаю даже, как бы я сел за руль леворульной машины... Как бы я на ней поехал? Интересные разъезды, развязки, а дорожные знаки вообще не отличаются от наших.

Я с интересом смотрел на дорогу, наблюдая, кто кого и как обгоняет и какие машины ездят здесь по дорогам.

Во Владивостоке к японским машинам я привык, они с таким же рулём, поэтому особо я не удивился этому, но, чтобы

движение такое... Ну, английское и есть английское движение. Хотя я и по Японии, и по Индии ездил – вернее, меня возили. Но всё равно быть первый раз в стране – всегда интересно. Обязательно найдёшь что-либо интересное.

Два с лишним часа за этими наблюдениями пролетели незаметно.

И вот мы доехали до Бристоля.

Я всегда вспоминаю тот случай, когда мы с Инной в Одессе спросили у одной женщины в трамвае:

– Скажите, пожалуйста, а где у вас здесь кассы, в которых можно купить билет в оперный театр?

Одесситка сразу так встрепенулась:

– А зачем вам оперный театр? – с интересом уставившись на нас.

– Ну, мы хотим оперу послушать, – стушевался я от такого неожиданного вопроса.

– Вы хотите купить билеты в оперный театр? – начала подсказывать одесситка, видя наше смущение.

– Да, мы хотим купить билеты в оперный театр, чтобы послушать, что там, в этом оперном театре, у вас есть, вот и всё.

Я пожал плечами. Ведь вопрос не стоил и выеденного яйца. Ты только скажи, где кассы, и мы тебе скажем спасибо, но так в Одессе не делается.

– Хе, граждане, вы посмотрите, они хотят купить билеты в оперный театр... – на весь трамвай, который шёл по проспекту Красной Армии, громогласно возвестила дама. – И они его хотят купить здесь, посреди улицы Красной Армии! Доехали бы до самого театра и купили их там. Это же так просто! Именно там эти билеты и продаются. Что, так трудно доехать до этого оперного театра? Тут и пересаживаться не надо. Ехай себе да ехай.

Я умоляюще смотрел на возбуждённую одесситку и пытался ну хотя бы ненамного снизить тембр её голоса:

– Женщина, – уже чуть ли не слёзно просил я разволновавшуюся одесситку, – вы можете говорить тише?

В разговор вступила и Инна, стараясь усмирить громогласную мадам:

– Но мы же просто хотим купить билеты. Вы только скажите, где это можно лучше сделать?

Тут я понял, что сейчас начнётся что-то странное и ужасающее.

Весь трамвай начал обсуждать, где нам лучше выйти и купить билеты в «ёперный» театр. Не выдержав столь экспансивных советов, я взял Инну за руку, и мы выскочили из трамвая, ошарашенные и обалдевшие от коллективных советов, которыми от всего сердца с нами делились все пассажиры трамвая, а может быть, ещё и пол Одессы.

Трамвай тронулся, но, по-моему, одесситы ещё там и дальше обсуждали, как и где лучше купить билеты в опер-

ный театр. Я тогда сказал Инне:

– Инночка, мы тут больше так никого не будем спрашивать, потому что здесь такие люди, которые всё хотят узнать от нас и во всём нам хотят очень сильно помочь. Давай лучше разберёмся сами, где купить билеты в оперный театр.

Но билеты в оперный театр мы тогда так и не купили. В тот год театр оказался на ремонте.

А когда автобус остановился на автовокзале в Бристоле, чёрт меня дёрнул обратиться к этим двум женщинам, которые самозабвенно отдавались разговору всю поездку.

– Дамы, а вы не скажете, как мне можно пройти на остановку такси? – обратился я к ним с вопросом.

И тут же получил тот же самый ответ:

– А что вам надо на этой остановке такси?

Я ошарашило тем, что тут так же чётко просматривалась связующая линия между Одессой и Бристолем, которая крепкими узами братства связала два этих города навеки. У меня даже слов не хватило, чтобы передать моё удивление.

– Вообще-то, я хочу взять такси, чтобы доехать до Авенмауса, – как можно деликатнее постарался я передать им свою просьбу.

– А!.. Такси.... Послушайте! – Дамы громогласно обратились ко всем пассажирам автобуса. – Он не знает, где лучше

взять такси! Что может быть проще в этом городе. Вам просто надо завернуть за угол, и там будет остановка такси.

Англичане – люди более скромные, чем одесситы, гвалта в автобусе не получилось, но сразу с помощью ко мне обратились ещё трое человек и парень, который сидел рядом со мной. Он снял наушники, и они все вшестером принялись объяснять мне, как мне повернуть за угол, как там выйти на соседнюю улицу, потом там ещё раз свернуть налево – и там будут стоять такси. Подойти к первому из такси, которые стоят в очереди, и что сказать этому таксисту, чтобы он отвёз меня по назначению.

Выслушав многочисленные советы, я поблагодарил всех советчиков и с облегчением вздохнул, когда наконец-таки покинул автобус.

Следуя чётким указаниям шестерых доброжелательных англичан, я прошёл к остановке такси. Там и правда стояло несколько машин. Подойдя к первой машине, сказал таксисту, как мне и советовали, куда мне надо ехать.

Попутчики в автобусе поняли сразу, что я иностранец и мне трудно будет сориентироваться в чужом городе, поэтому они мне так подробно и доходчиво всё объясняли. Но тогда мне показалось, что говорили они не со мной, а скорее между собой. Когда эти две женщины разговаривали между собой, то они так тархтели, что из пяти слов я понимал едва одно. А тут они разъясняли мне всё медленно, доходчиво, и я понял все их слова.

Шофёр, узнав, что мне надо ехать до Авенмауса, сразу заинтересовался, чем я буду платить.

– Наличкой, но мне нужен чек, – разъяснил я ему.

– Хорошо, поехали, – тут же согласился водитель такси, открыл багажник, забрал у меня сумку с вещами и уложил в багажник.

И вот мы поехали в Авенмаус. Времени это заняло не больше тридцати минут, может быть, чуть больше. Когда такси подъехало к проходной порта, то полицейские в красивых высоких шапках сделали отмашку, открыли шлагбаум и на такси мы въехали в порт.

Это для меня тоже оказалось интересным моментом, потому что в наш порт на такси просто так не въедешь. Для этого нужно специальное разрешение, в которое вписывается номер паспорта. К тому же требовалось ещё заплатить деньги в кассе, чтобы въехать, взять пропуск и показать его охраннику на проходной. Процедура эта длилась минут пятнадцать-двадцать при условии, если не будет очереди на проходной в кассу, где записываешься на получение пропуска.

А тут полицейский только махнул рукой, а свободно таксист въехал в порт.

Машина объехала почти всю бухту. Как потом оказалось, это был огромный док, который запирался специальными воротами, чтобы уровень воды в доке не зависел от колебания приливо-отливных течений.

Наконец-то подъехали к доку, в котором стояла моя «Кри-

стина». Когда я впервые увидел её сбоку, то оказалось, что это небольшой пароходик на два трюма, метров сто длинной, с небольшой надстройкой на корме. «Кристина» стояла у контейнерного терминала.

Таксист подъехал к контейнерному терминалу, но не смог подъехать к судну – терминал огораживался колючей проволокой. Он объехал терминал с другой стороны – и там не смог въехать в него. Там тоже въезд закрывала колючая проволока. Тогда я решил:

– Да ладно, тут весь терминал огорожен. К судну не проедешь. Я лучше сам вдоль причальной линии пройду к судну, спасибо, что довёз.

Таксист выписал мне чек, который точно соответствовал счётчику.

Всё. Мы попрощались, а таксист на прощание даже дал мне свою визитную карточку.

Я прошёл вдоль колючей проволоки, идущей вдоль причальной линии, к судну.

Подойдя к судну, я увидел спущенный трап. Только подошёл к трапу – господи боже мой! У трапа на вахте стоит Марио. Он на предыдущем моём судне работал матросом.

– Привет, Марио, что ты тут делаешь? – не на шутку удивился я.

– Привет, чиф, – приветствовал не менее удивлённый Марио. – Только сегодня утром с Филиппин прилетел.

Мы с ним обнялись, как старые друзья, а я поинтересо-

вался:

– А где капитан и стармех?

– Стармех в машине, он готовит её к отходу, потому что агент позвонил, что ты скоро приедешь. Сейчас будем отходить, капитан тебя уже ждёт на мостике. Я покажу тебе каюту, в которой ты будешь жить, а сейчас поднимайся на мостик к капитану.

Он подхватил мой чемодан и занёс его в малюсенькую каюту.

Каюта находилась палубой выше. До неё с главной палубы вёл трап в пять ступенек.

Каютка оказалась малюсенькой. В неё я с чемоданом протиснуться только боком. Кровать и диванчик, на котором во весь рост не ляжешь. Я поставил чемодан и портфель на него и поднялся на мостик. Ещё пара таких же трапов наверх – и уже мостик.

На мостике навстречу мне вышел здоровенный бородатый мужчина ростом, наверное, больше, чем метр девяносто. На вид лет шестидесяти. Борода с проседью. Он на хорошем английском поприветствовал меня и попросил, чтобы я принёс ему все свои морские документы. Пришлось спустился вниз, открыть портфель и достать документы, которые требовались. Вернувшись на мостик, я передал их капитану. Тот поинтересовался, как я доехал, устал или нет. Ну и рассказал мне перспективы работы на ближайшие дни.

А сегодня как раз двадцать четвёртое декабря. Завтра –

Кристмас. Сегодня последний рабочий день во всём католическом мире.

– Ну а мы отходим, – с сожалением проговорил капитан и, сняв копии с моих документов, передал данные обо мне в порт-контроль.

Когда капитан всё оформил, я поинтересовался:

– А стармех где? Как бы мне с ним встретиться и поговорить?

– Он в машинном отделении. Он уже готовит машину, мы сейчас будем отходить. – Капитан уже озадачился другими проблемами.

А мне предстояло встретиться с другими.

Конечно, я от всего увиденного расстроился.

У меня последняя зарплата была три двести, а тут из-за того, что якобы Питер пошёл мне навстречу и пообещал взять на одно судно со мной сына, мне назначили зарплату в две восемьсот пятьдесят. Тогда я, скрипя зубами, сказал в агентстве:

– Хорошо, я пойду на эту зарплату, но только чтобы со мной был мой сын.

А в итоге и Лёшки со мной нет. Вместо него прислали Марио, и зарплата 2850, и контракт шесть месяцев вместо четырёх, как прежде.

Ну, что делать? Работать всё равно придётся, контракт ведь подписан. Всё! Уже поздно кукарекать.

Придя в каюту, я переоделся в комбинезон, спустился ещё на палубу ниже и увидел повара. Почему повара? Да потому что он был в белом халате, переднике и белой шапочке. Он приветствовал меня на русском языке. Но с каким-то твёрдым акцентом. Оказалось, что он болгарин и зовут его Кразимир.

– Кушать хочешь? – сразу поинтересовался кок.

– Пока нет. – Что-то из-за всех переживаний аппетит пропал.

– Ну, если захочешь – всё найдёшь в холодильнике. – Повар открыл большой холодильник и показал мне его содержимое.

– Хорошо, Кразимир, спасибо, но сейчас я пойду в машину, – поблагодарил я. – А куда идти-то?

– А вот сюда и иди. Иди вниз – не ошибёшься. Тут негде блуждать. Сам всё увидишь. – Кразимир рукой показал путь, куда мне надо идти на мои ближайшие полгода.

Спустившись на пару трапов вниз, я открыл дверь и вошёл в помещение, ярко освещённое флуоресцентными лампами.

Это и оказалось ЦПУ с пультом управления, но никого в нём не было. Стол с открытым машинным журналом, какой-то непонятный стульчик и открытая дверь в машинное отделение, из которого нёсся шум работающих дизелей. Двигатель ещё не запускался, а шум от вспомогательных дизелей довольно-таки хорошо ощущался здесь.

Закрыв за собой дверь в ЦПУ, я спустился ещё ниже.

Смотрю, там ходит какой-то мужик с небольшой бородкой, лет на десять старше меня. Как потом оказалось, ему было 58, а мне в то время – 48. Но ничего необычного в его виде я не заметил. Механик как механик, одетый в немного испачканный, но выстиранный синий комбинезон.

Он посмотрел на меня исподлобья и продолжал заниматься прежними делами, как будто меня здесь вообще не было. Он закачивал балласт в танки и тут же параллельно готовил к отходу машину.

Закончив очередную манипуляцию, он протянул мне руку.

Слегка напрягая голос, чтобы я его лучше расслышал, он прокричал:

– Збышек.

Я ответил на рукопожатие и, наклонившись к его уху, защищённому наушниками, тоже крикнул:

– Алексей.

А так как он работал, то руки у него были в перчатках, а у меня – нет. Поэтому я пожал его руку за запястье. Он вновь наклонился к моему уху:

– Пойди в ЦПУ, там в ящике стола возьми перчатки. А потом приходи сюда, а я тебе буду показывать, как готовить машину к отходу. – Всё это он прокричал по-русски, почти без акцента.

Я быстро сгонял в ЦПУ, где взял перчатки, и мы с ним продолжили готовить машину к отходу.

А машина-то, господи... слова доброго не стоит. До крышек можно достать рукой. Как дизель-генератор с предыдущего моего балкера «Фредерике Зельмер», с главным шестицилиндровым дизелем MAN, у которого поршень имел диаметром девятьсот миллиметров, и высота этого MANa составляла четыре этажа жилого дома.

Когда мы в Китае дёргали из него втулку, то китаец, который залез туда обмерять её, не смог оттуда вылезти без посторонней помощи.

Эта втулка могла стать хорошей тюрьмой тому, кто попал бы туда а, если тебя там забудут, потому что из этой втулки просто так не вылезешь, то и помереть в ней с голода. Втулка имела диаметр девяносто сантиметров и отполированные до зеркального блеска поверхности. В дополнение ко всему и высота втулки составляла три с половиной метра.

А тут двигатель... Одно название, что главный двигатель. Я смотрел на него с недоумением. Ну, обычный восьмицилиндровый дизель-генератор, только что реверсивный.

Вспомнилось, что ещё Питер Борчес допытывался у меня по телефону: «Ты когда-нибудь работал на МАКах? Ой, это такой двигатель! Он такой сложный! Ты сможешь с ними работать?» А сейчас я смотрел на этот дизелёк – господи, боже мой!.. И смех, и грех – главный двигатель.

Я перед отъездом на судно просмотрел историю этих МАКов. На наших подводных лодках стояли точно такие же дизели, только содранные у немцев и сделанные русскими спе-

циалистами на балтийских заводах. Так что этот дизель я знал от пяток до макушки и от передка до зада, и проблем с этим дизелем у меня не должно возникнуть в будущем.

После того как мы подготовили главный двигатель к пуску, прокрутили его на воздухе и топливе и передали управление на мостик, только тогда поднялись в ЦПУ, где уже не надо кричать друг другу на ухо.

Поляк вновь представился, уже сняв с рук перчатки:

– Збышек. Сейчас мы с тобой посмотрим, как двигатель запускается с мостика, передадим управление на него, а тогда уже поговорим обо всём, – на полном серьёзе начал он моё обучение.

Ничего сложного об эксплуатации главного двигателя я не узнал.

Меня больше всего удивляло только одно – что в машинном отделении я буду один.

На палубе – три матроса и боцман. В кают-компании только повар. Один старший механик в машине и капитан со старпомом на мостике. Всё – это весь экипаж.

На предыдущем судне в штат машинной команды входили три вахтенных моториста, три вахтенных механика и два электромеханика. Электрик и два токаря-сварщика. Народу больше, чем достаточно. Но там и работы оказалось много, на этом четырёхэтажном дизеле, да и на всём судне её там оказалось выше крыши. Там я не знал, за что хвататься в первую очередь, потому что механизмы «сыпались» один

за другим. Там вместо «доброе утро» всегда спрашивали: «Что сегодня сломалось?» Настолько судно оказалось запущенным. А тут я только один. Вот это меня больше всего и озадачивало.

После окончания манёвров по выходу из доков мы уже спокойно просмотрели все параметры работающего дизеля.

Надев наушники, мы обошли машину, а я потом ещё раз всё самостоятельно осмотрел, чтобы лучше усвоить только что полученную информацию.

Ну что машина. Спустился по трапу вниз – и всё, ты уже у дизеля. По трапу поднялся – и снова уже в ЦПУ, рядом с которым находилось соседнее машинное отделение, где стояли два дизель-генератора. В настоящее время они работали. Я заглянул в третье отделение. Там – тишина. Разобранный дизель-генератор лежал вверх ногами.

После обхода Збышек рассказал мне, как он обнаружил неисправность в этом дизель-генераторе и заказал все необходимые запчасти. Их сегодня привезли. И нам с ним вместе в течение трёхсуточного рейса – а идём мы сейчас в Голландию на ремонт, потому что масло вытекает из дейдвуда – предстоит этот дизель собрать, поставить «на ноги» и запустить. И на всё это нам даётся только три дня. Столько же времени займёт и переход. И вот уже тогда Збышек уезжает на Новый год домой, а я продолжаю здесь работать в гордом одиночестве.

Так что в Голландии судну предстоит стать в док, где должны устранять утечку масла из дейдвуда. До тридцатого числа судно должно простоять в этом голландском доке и произвести все запланированные ремонтные работы. А тридцать первого запланирован отход из Голландии обратно в Англию, чтобы третьего января вновь стать под погрузку в Авенмаусе.

После прохода дока пришлось ещё шесть часов сидеть в ЦПУ, обеспечивая безопасный проход судна вдоль всего Бристольского залива. До выхода из всех зон разделения в свободные воды. Только тогда от капитана с мостика поступил приказ:

– Останавливать вспомогательные дизели. Вводить главный двигатель в ходовой режим.

Збышек показал мне, как всё это делается. И только тогда мы уже вышли из машины. Было далеко за полночь.

– А где мне можно помыться? – поинтересовался я у Збышека.

– Вон там есть душ. Иди и мойся, – показал он пальцем на каюту за углом и важно добавил: – У меня в каюте есть свой душ. И он только для меня. А вот когда уже будешь стармехом вместо меня, то и будешь в нём мыться, а сейчас я буду в нём мыться только сам.

Что ж пришлось идти мыться в общий душ. Каютка, где мне предстояло ночевать, оказалась настолько маленькой,

что мимо стола и кровати я проходил только боком, на диване — мог только сидеть, а спать на кровати — поджав колени.

Воспользовавшись советом Збышека, я помылся в душе, который находился за углом.

На кровати лежали брошенная простыня и подушка с наволочкой. Одеяло я нашёл в небольшом шкафчике, прикреплённом над кроватью. Чемодан мой никак не помещался в этой миниатюрной каюте. Я бросил его на диван, лёг, скрючившись, на кровать и уснул.

Через несколько дней «Кристина» и в самом деле пришла в Роттердам и встала в док.

Нельсон долго со мной путешествовал. Он перебивал со мной почти на всех моих судах. И всегда в трудную минуту подбадривал меня своей улыбкой. А иногда, в особенно тяжёлые моменты, он мне дружески подмигивал, стараясь поддержать меня и придать силы для преодоления трудностей в жизни судового механика.

Он до сих пор всё время находится со мной. Правда, его место обитания сейчас не каюта моего очередного судна, а всего лишь шкафчик с парфюмерией. Каждое утро я открываю этот шкафчик, чтобы достать флакон одеколona и протереть им лицо после бритья.

Открывая шкафчик, я всегда говорю своему старому дру-

гу:

– Привет, Нельсон.

А он задорно мне подмигивает и желает удачи на весь сегодняшний день. Я закрываю шкафчик, оставляя там Нельсона, а сам, подбодрённый его улыбкой, иду заниматься своими делами.

Владивосток, август 2014

«ПОЖАР»

Жизнь судового механика

Глава первая

Будильник радостно возвестил, что начался новый день.

От этого звона Борзов проснулся, скинул с себя одеяло и встал с кровати.

По привычке он посмотрел в иллюминатор. Яркое утреннее солнце заглядывало в спальню.

«Леди Беллу» построили в Англии 27 лет назад, поэтому иллюминаторы в каюте старшего механика встроили круглые, с бронзовой окантовкой, такого диаметра, что в них смогла бы пролезть только голова. Это на современных судах они квадратные, позволяющие любоваться океаном в полной его красе.

На голубом небе не просматривалось ни единой тучки. Бирюзово-синий океан равномерно катил валы зыби, и «Леди Белла» отвечала ему лёгким покачиванием.

Слегка дрожа корпусом, она шла на северо-восток. Таким образом, по дуге большого круга ей проложили курс до Перу.

Борзов прислушался к работе цилиндров главного двигателя. Они находились где-то там, внизу, но отвечали равномерными басовито-мягкими ударами. Хорошо! Не зря поработали на стоянке. Теперь на месяц точно гарантирована надёжная работа «Зульцера». А когда судно придёт в порт, двигатель они вскроют и осмотрят.

Осталось всего-то двадцать дней до Кальяо.

А там, в порту, Борзов знал, где есть телефон. Он сразу же позвонит своей любимой жёнушке. Ведь целый месяц он не услышит её голоса.

На «старушке» «Леди Белле» хозяин не установил телефона, сэкономил. Инмарсат «С» предусматривал для связи только телекс. Жаль, что отсутствовала возможность позвонить, чтобы услышать свою единственную и неповторимую. А так бы хотелось перекинуться парой слов.

Борзов прошёл в туалет и открыл холодный кран, который только фыркал жёлтой водой, пока не сойдёт весь воздух, потому что вода подавалась только по два часа утром и вечером из-за жёсткой экономии.

Подождав, пока вода приобретёт нормальный цвет, Борзов вымылся под душем, побрился и набрал ведро, чтобы ополоснуться днём.

Надев свежий летний костюм, он спустился в кают-компанию.

Кэптин Брэдли уже курил свою ароматную сигарету.

– Доброе утро, мастер, – приветствовал Борзов капитана.

– О! Чиф. Рад тебя видеть, – услышал Борзов стандартный ответ. – Как ты себя чувствуешь? Как прошла ночь?

Борзову только и оставалось ответить:

– Прекрасно. Смотри, какая сегодня отличная погода. – Он показал на иллюминаторы кают-компании.

– Да, – кивнул капитан в ответ. – Я уже был на мостике. Мы выбрали хороший путь. Погода благоприятствует нам.

Капитан пришёл на судно только месяц назад, но своей обходительностью и вежливостью покори́л Борзова. Это был настоящий бритиш. Всегда вежливый, обходительный, подчёркнуто уважительный к собеседнику. Капитану слегка за семьдесят, но выглядел он бодро и находился всегда в движении.

Его интересной особенностью оказалось, что он с утра выкуривал несколько сигарет, много говорил, а потом замолкал на несколько часов.

Чуть позже Борзов понял причину его молчания. Капитан всегда во рту держал глоток пива. Если он его проглатывал, то спускался с мостика к себе в каюту, набирал в рот новый глоток пива и так ходил ещё полчаса, наблюдая за действиями помощников.

Он полностью отличался от предыдущего, филиппинского капитана, который в рейсе просыпался в десять утра и звал к себе на доклад старпома и старшего механика. А потом до обеда бегал по мостику, создавая видимость работы. Он чувствовал себя царьком на судне.

Кэптин Брэдли явился полной противоположностью предыдущему капитану. Обстановка на судне изменилась. Нервозность прекратилась.

Первое время Борзову очень трудно пришлось с филипп-

пинским «царьком».

Хотя Борзов прекрасно читал и переводил с английского, но разговорный язык у него не получался. Как только требовалось что-то произнести, тут у него наступали муки в произношении и выражении мыслей и чувств.

В один из таких утренних докладов «царьку» тот беспричинно начал кричать на Борзова.

Из-за ограниченного количества слов Борзов не мог ответить «царьку» на его претензии. Но тут что-то переключилось в нём. Он, в бешенстве от своего бессилия, ухватился за спинку бамбукового стула, стоявшего перед капитанским столом, и переломил её пополам. Держа в руках обломки спинки стула, подошёл к этому недоноску, ростом чуть больше ста шестидесяти сантиметров, потряс ими перед жёлтой мордой «царька» и с хрипом выдавил из себя:

– Больше никогда на меня не кричи.

От неожиданности «царёк» только лупал глазами, а Борзов, бросив обломки стула к его ногам, вышел из каюты.

После этого инцидента «царёк» больше никогда не орал на Борзова. А если возникала необходимость отдать очередной приказ, то он передавал его через начальника рации, преданного своего слугу. И вплоть до своего списания он больше никогда не повышал голос на Борзова.

Это случилось четыре месяца назад, а сейчас обстановка кардинально изменилась и почти каждый вечер Борзов беседовал с кэптином Брэдли.

Стюард принёс Борзову омлет и чай и он, намазав плавленый сыр на кусочек хлеба, с удовольствием его откусил.

Капитан откинулся в кресле и сквозь завитки дыма ароматной сигареты посмотрел на Борзова.

– Как прошла ночь, чиф? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Я думаю, что нормально, – оторвался Борзов от омлета. – Есть одна небольшая проблема, но второй механик с ней до обеда справится.

– Что за проблема? – капитан с интересом посмотрел на Борзова.

Тот, обдумывая ответ, помолчал, пережёвывая омлет и начал объяснять:

– На расходной цистерне тяжёлого топлива стоит термостат. По всей видимости, он неисправен и не позволяет топливу в расходной цистерне нагреться выше шестидесяти градусов, хотя установлен на восемьдесят пять. Из-за этого топливо не может перед двигателем прогреться до ста двадцати градусов, а греется только до ста десяти.

– А... – протянул капитан. – Понятно. Сгорание стало хуже.

– Конечно, – подтвердил мысль капитана Борзов. – Даже дым из трубы стал идти более чёрный, и расход топлива

немного увеличился.

– Понятно, понятно, – продолжал капитан выпускать кольца дыма к подволоку. – А это не сложно – поменять термостат?

– Сложности особой в этом нет, – спокойно отреагировал Борзов на новый вопрос капитана. – Сейчас подберём термостат, и второй механик с электромехаником его заменят. Там надо только открутить пластиковую гайку и вынуть чувствительный элемент из стакана, а потом вставить новый. Это займёт не больше часа.

– Хорошо, – одобрил капитан предложение Борзова. – Меняйте.

Они одновременно встали из-за стола и вышли из кают-компании.

Капитан сразу поднялся на мостик, а Борзов остановился у открытой двери кладовой, в проёме которой стоял электрик Бармеджо.

– Доброе утро, чиф, – поздоровался он со стармехом, вытянувшись в струнку и «съедаая» Борзова глазами.

– Доброе утро, Бармеджо, – вежливо ответил Борзов.

Хотя Бармеджо и являлся только начинающим электриком, Борзов обращался к нему так же вежливо, как и к остальным филиппинцам.

Вадик, второй механик, сидел где-то в глубине кладовки.

Борзов показал Бармеджо жестом, что он хочет войти в кладовку, и тот освободил ему проём двери. Войдя в кла-

довую, Борзов посмотрел на занятого Вадика.

Тот что-то старательно перебирал в огромном ящике.

Увидев стармеха, Вадик, как всегда, со миллион первым вопросом вместо приветствия встретил Борзова.

– Владимирыч, какой из этих термостатов ему дать?

– РТ-107. У нас же он полетел? – удивился непониманию Вадика Борзов.

Отстранив Вадика от ящика, Борзов выбрал нужный термостат и вложил его в руки Вадика.

– На держи. Его поставите, – добавив при этом.

Вадик повертел коробку с термостатом и, убедившись, что находящийся там термостат соответствует маркировке на коробке, предал его Бармеджо.

Получив коробку с термостатом, тот сразу же исчез.

– Как прошла вахта? – поинтересовался Борзов. – Температура в расходной держится? Не падает?

– Так же держится, – пожав плечами, неохотно ответил Вадик. – Куда ей деваться. Перед двигателем по-прежнему сто десять.

– Хорошо. Когда поменяете термостат, подрегулируй температуру в расходной цистерне.

От такого совета у Вадика перекошило физиономию.

– Что они, сами не справятся, что ли? – недовольно пробурчал он, имея в виду филиппинского электромеханика с Бармеджо.

– Справятся, не справятся – это другой вопрос. Но ты дол-

жен быть там, — Борзов ткнул пальцем в сторону машинного отделения, — и всё проконтролировать лично. Понятно? — Это Борзов спросил у Вадика уже повышенным тоном.

— Да, всё ясно, — по-прежнему недовольно бубнил Вадик. — Сейчас позавтракаю и пойду к этим недоделкам.

Состояние Вадика Борзов понимал полностью. Ведь он только что отстоял вахту с четырёх до восьми утра. Конечно, ему хотелось и спать, и есть. Но эту работу с термостатом требовалось сделать в первую очередь, поэтому Борзов не обратил внимание на недовольный вид Вадика, а бодро хлопнул по плечу:

— Давай, давай!

А сам, напевая себе под нос «На границе тучи ходят хмурые...», быстро поднялся в каюту и переоделся в комбинезон.

Машина встретила его жарким дыханием, воздухом горячего железа и нагретого масла.

На крышках всё оказалось в норме, турбина свистела, как и положено ей на этих оборотах. Четвёртый механик Бакаланко уже принял вахту и, улыбаясь, приветствовал Борзова взмахом руки и лёгким поклоном.

Борзов прошёл к пульту управления, вынул черновой журнал и проверил его. Механики за ночь в журнале ничего лишнего не написали.

Валентино, электромеханик, что-то уже колдовал у распределителя. Борзов вспомнил, что вчера дал ему задание по-

чистить контактор насоса пресной воды.

Внизу Фортич с Бангсалом начали красить борт. С виду они сосредоточенны, в наушниках, не спеша делали свою работу. Впереди ещё двадцать дней перехода. Эту работу, по их понятиям, требовалось сделать качественно, то есть как можно подольше, растянуть время до её завершения.

Они, весело скалясь, макали катки в бадью. Бангсал уже успел мазнуть Фортича по спине катком. Он вечно что-нибудь чудит. Но Фортич не обижался. Он всегда говорил, что без шутки за год контракта у любого крыша съедет. И в этом он был где-то прав.

Убедившись, что в машине всё нормально и все заняты своими делами, Борзов стал подниматься по трапу, на выход из машинного отделения.

У выхода из машины в тамбур, где располагались рефкамеры, повар Ромио выносил из них продукты. Вернее, работали два стюарда, а он, как начальник, руководил ими.

– Как дела, Ромио? – приветствовал Борзов кока. – В камерах температура нормальная?

– Доброе утро, чиф, – приклонив голову, вежливо ответил кок. – Всё нормально. Видишь, как это мясо заморожено? Думаю, до Кальяо оно не растает, – пошутил он, показывая на замороженные брикеты, которые со звоном бросали на палубу его помощники.

Вообще-то, филиппинцы со стармехом такой фамилляр-

ности себе не позволяли, но кок важная персона, и ему это негласно позволялось. Он таким образом демонстрировал перед подчинёнными свою значимость.

Борзов перекинулся с коком ещё парой слов и прошёл в рулевую, а из неё, повернув налево, в углекислотную станцию. В ней стояли рефкомпрессоры.

Проверив работу рефкомпрессоров и рулевой машины, Борзов вновь спустился в машинное отделение.

Он подошёл к неисправному датчику и осмотрел его. Пластиковую гайку чувствительного элемента покрывал толстый слой краски.

«Долго же ты, родной, тут стоишь», – невольно подумалось ему, и он осмотрелся.

Метром ниже площадки, с которой механики и мотористы наблюдали за температурой в расходной цистерне и могли оперировать быстрозапорными клапанами, располагался первый цилиндр главного двигателя. Выше этой площадки располагался выхлопной коллектор главного двигателя. От его торца шёл ощутимый жар, ощущаемый даже в районе площадки.

И немудрено, термометр на торце коллектора показывал больше трёхсот градусов, а до него было не более двух метров. Несмотря на такую высокую температуру, торец коллектора оставался не заизолированным. Борзов, вообще-то, не придавал этому большого значения.

Двадцать семь лет судно работало так. Ничего же не про-

изошло ни с топливными цистернами, ни с коллектором. Зато его удобно открывать при осмотрах. Никто не обсыпался асбестом, и грязь от этой изоляции не летела вниз.

Борзов ещё раз осмотрел датчик, убедился, что работы по его замене не вызовут трудностей, и вновь поднялся к пульту управления. Внимательно осмотрев приборы и убедившись, что все показания в норме, взглянул на часы.

Ого! Почти десять часов. Наступало время кофе-тайма.

Краем глаза он увидел поднимавшихся по трапу Фортича с Бангсалом. Мимо пробежал Вадик и по трапу противоположного борта спустился вниз, чтобы проконтролировать работу Бармеджо, который в это время подошёл к датчику.

Борзов постоял на платформе крышек, обошёл их, проверяя температуру выхлопных газов по цилиндрам и вышел из машинного отделения.

Поднявшись на палубу камбуза, он по коридору левого борта прошёл к трапу, ведущему к его каюте.

Проходя вдоль переборки машинного отделения, он невзначай слегка ударил кулаком по его неизолированной переборке. Переборка глухо отреагировала на удар, потому что с противоположной её стороны полностью отсутствовала изоляция. Её с постройки там не установили.

Когда Инночка находилась у него на судне во время стоянки в Тяньцзине, она удивилась слышимости из машинно-

го отделения.

Вадик кувалдой отдавал гайки на одной из крышек главного двигателя. И каждый удар кувалды отчётливо слышался в каюте, как будто Вадик орудовал кувалдой в паре шагов.

– Ой! Что это такое? Что там ломают? – тогда удивлённо воскликнула Инночка.

Борзов успокоил жену:

– Это Вадик отдаёт крышку. Сегодня будем дёргать поршень. Изоляции на переборках нет, поэтому и слышимость такая, – а потом невесело пошутил: – Случись пожар в машине, тут через десять минут всё судно сгорит.

Инночка испуганно посмотрела на него:

– Ты не пугай меня. Пусть у вас рейс будет спокойный. Без всяких пожаров.

– Не беспокойся. Всё будет в порядке. – Борзов нежно привлёк к себе жену и поцеловал.

Это воспоминание почему-то само-собой невольно возникло в памяти Борзова, когда он ударил по переборке.

Кофе-тайм. Святое дело. В каюте Борзов ополоснулся из ведра заранее припасённой водой и переоделся в свежую футболку и шорты. На босую ногу надел тапочки.

Это у филиппинцев в норме. Никаких носков. И со стаканом ароматного чая, принесённого стюардом, устроился за столом в кресле.

Начальник рации уже положил ему на стол несколько те-

лексов из офиса.

Что-то Пол, этот дотошный суперинтендант сегодня прислал ему? Вечно ему что-то надо. Сидит себе в Гонконге и от безделья только бумажки шлёт.

«Ну, ничего, отпишемся, не впервой», – невольно подумалось ему.

Неожиданно всё стихло и наступила необъяснимая тишина. Перестала ощущаться вибрация корпуса судна, прекратился звук равномерного «уханья» поршней главного двигателя. До каюты доносились только их последние «вздохи». Исчезло тарахтение работающих дизель-генераторов. Замолчал только что включённый магнитофон.

Вот это новость!

«Что там Бакаланко натворил?» – пронзила возмущённая мысль.

Борзов подскочил с кресла и кинулся к двери каюты. Не успел он её открыть, как чуть не сбил с ног Вадика, пытающегося открыть дверь каюты.

– Владимирыч! Горим! – запыхавшись, чуть ли не выкрикнул он.

Глаза Вадика широко открыты, и в них чувствовался ужас от того, что он только что увидел.

Борзов оттолкнул Вадика и кинулся к трапу, ведущему на нижние палубы. Палубой ниже располагалась станция быстрозапорных клапанов топливных танков.

Две недели назад, в Корее, Борзов сам лично предъявлял их инспектору порт-контроля. Их они тогда подрегулировали и отладили.

Подбежав к щиту станции, Борзов увидел третьего механика, закрывающего их.

Сняв с предохранителей несколько ручек клапанов, он дёрнул за них. Где-то внизу, на цистернах, они должны обязательно закрыться. В этом Борзов не сомневался. Топливо из этих цистерн уже никуда не выльется.

Убедившись, что все клапана закрыты, он отбежал от щита станции и повернул налево, в коридор, в конце которого находился трап, ведущий к входу в машинное отделение.

Дым уже плотной завесой приклеился к подволоку. На не заизолированной стальной переборке в машину пучилась краска.

«Ну, ничего себе, – проскочила моментальная мысль у Борзова. – Какая же там температура?!»

Отскочивший от лопнувшего пузыря кусок краски неожиданно обжёг щеку и левую руку. Не ощущая боли, Борзов стряхнул его и помчался дальше, вниз, к входу в машинное отделение.

Подбежав к двери, он увидел, что самодельная деревянная дверь из тамбура начала открываться и в приоткрывшуюся щель на четвереньках вылезал Бакаланко. Его начало выворачивать, и он надрывно кашлял.

Борзов заглянул в приоткрывшуюся дверь в надежде спу-

ститься вниз и что-то предпринять для тушения пожара.

Но тут же отшатнулся от проёма двери. Внизу от дыма виднелась только сплошная чернота. Дым едкими клубами заполнил маленький тамбур перед помещением рулевой машины и рефкамерами. Такого чернящего дыма Борзов ещё никогда в жизни не видел.

Всё! К углекислотной станции путь отрезан! Оставался единственный вариант – это отрыть углекислотные клапана в машину со щита, расположенного в коридоре главной палубы с противоположного борта.

В коридорах уже стояла темнота. Ни одна лампочка не горела. Вспомогательные дизели встали. Свет везде отсутствовал. Почему-то в сеть не подавалось питание от аварийных аккумуляторов.

– Вадик! – проорал Борзов. – Бегом на правый борт, к пульту CO₂! Открывай газ в машину! Я – на кап. Там его закрою! – и бросился к двери из надстройки на палубу.

Вадик от самой каюты бежал следом за Борзовым.

Услышав приказ, он только утвердительно кивнул головой и скрылся за углом.

Борзов помчался вверх по наружным трапам к капу машинного отделения.

Там уже находился фиттер Серёга. Он пытался подойти к капу и отдать трос быстрого закрытия.

Но это у него не получалось! Вырывающиеся из капа клубы чёрного дыма с пламенем сносились небольшим ветер-

ком в его сторону и не давали подойти к утке, на которую накидывался трос, удерживающий кап в вертикальном положении.

Гидравлика, которая должна это делать, давным-давно вышла из строя. И вместо неё кто-то давным-давно сделал приспособление, обеспечивающее быстрое закрытие капа. Инспектор в Корее проверил его и остался доволен таким закрытием.

Но сейчас люк невозможно было закрыть. Пламя с дымом отрезали подход к нему. Осознав безвыходность ситуации, Борзов прокричал Серёге:

– Всё! Бесполезно! Сгорели! Погнали плоты сбрасывать!

Ещё одна мысль хлопотала в мозгу Борзова: «Как бы не взрывалось топливо. Ведь переборки дизельных танков в машине не заизолированы! А в них семьдесят тонн топлива. Только в расходной цистерне пять тонн газойля».

Каюта Борзова находилась палубой ниже, по левому борту, и он непроизвольно бросился к двери, ведущей к каюте, но тут вспомнил, что на ней замок испортился уже неделю назад и её закрыли на защёлку изнутри. У боцмана всё не доходили руки, чтобы отремонтировать его, поэтому с палубы дверь не открывалась, а открывалась только изнутри.

Пронеслась мысль, что надо хотя бы взять жилет да документы из каюты. Но для этого пришлось бы спуститься вниз на палубу, пробежать по коридору и подняться по трапу. Поэтому Борзов кинулся к двери правого борта палубой ниже

и нырнул в неё.

Чёрный дым в коридоре опустился уже до пояса, и из-за него вокруг стояла абсолютная темнота. Борзов глубоко вдохнул и, как можно ниже нагнувшись, побежал по коридору.

Требовалось пробежать прямо восемь метров, потом повернуть налево за угол и по трапу подняться наверх. Там, в метре от трапа, располагалась дверь его каюты. В ней, может быть, ещё нет дыма.

Борзов почти добежал до трапа, но дым нещадно разъедал глаза, и из-за него вокруг он ничего не видел.

«А если и там, наверху, дым, – проносится мысль. – Добежать назад дыхания не хватит».

«Да чёрт с ним, с жилетом», – махнул рукой на свою затею Борзов.

Он тут же развернулся и, выбежав на палубу, глубоко, полной грудью вдохнул свежий воздух.

«Да! Назад бы воздуха не хватило», – опять пронеслась мысль.

Если бы он продолжил бежать за документами, которые находились в спальне в шкафу, дыхания бы точно не хватило на обратную дорогу.

Ветер сносил дым с пламенем на правый борт. К шлюпке и плотам правого борта уже было не подойти. Они горели. Но ниже, на главной палубе, лежал ещё один плот.

Серёга выбежал из двери своей каюты с жилетом, ящиком

лапши и одеялом. Его каюта как раз находилась у входной двери.

– Только и успел взять, – возбуждённо, блестя глазами, прокричал он.

– На главную палубу! Там плот! Давай его скидывать! – крикнул ему в ответ Борзов, и они кинулись к плоту на главной палубе.

Навстречу им из коридора выбежал Вадик:

– Какая-то падла открыла дверь из машины, и весь коридор в огне и дыму, – в бешенстве орал он. – Я не смог добраться до ящика дистанционки!

– Давай плот скидывать, – не обращая на его крики внимания, прокричал Борзов в ответ Вадиду. – Сейчас может топливо взорваться. Большая температура в машине! Смотри! Уже из иллюминаторов бьёт пламя. – И Борзов выкинул руку в сторону иллюминаторов правого борта.

А там они разглядели, как пламя красно-чёрными языками вырывалось из пустых глазниц иллюминаторов кают.

Рядом оказался моторист Вадика. Он, плача навзрыд, умоляюще протягивал руки к Борзову:

– CO₂. CO₂. Чиф, включи, пожалуйста, CO₂.

– Да пошёл ты... со своей CO₂. Где твоё место? – Зло прокричал на него Борзов.

– У шлюпки, – прервав поток рыданий, скулил филиппинец.

– Так иди и помогай её спускать. – Это уже Борзов крик-

нул ему, видя, как остальные филиппинцы, с капитаном во главе, все в жилетах и с личными вещами, начинали спускать шлюпку.

А они втроём кинулись к плоту.

Инспектор в Гонконге заставил капитана перевязать узел вытяжного троса на прессостате вместе с его слабым звеном. И сейчас плот было невозможно сдвинуть с места.

К тому же в нарушение всех правил его привязали к леерам капроновым кончиком.

Борзов попытался развязать узлы на задубевших кончиках, но это у него не получилось. За прошедшие после проверки два месяца узлы капроновой верёвки окаменели, и узел не поддавался. Ну не грызть же его зубами! Борзов лихорадочно окинул взглядом палубу, пытаясь найти что-нибудь железное.

Вон! Кусок шпильки от крышки главного двигателя! Он его давно хотел выкинуть за борт! Но всё руки не доходили. Теперь спасение здесь! В этом куске железа. Борзов схватил шпильку и принялся бить ей по треклятому кончику.

Он быстро перебил узел, крепящий плот к леерам, и они вместе освободили плот от паутины верёвок и, поднатужившись, выкинули его за борт. Плот смачно плюхнулся на зеркальную гладь воды. Вытяжной линь держал его за судно, и плот начал раскрываться.

Слава богу! Один есть! Борзов захотел погладить крест на шее. Но его там не оказалось. Тут он вспомнил, что снял его, когда мылся! Вот невезуха! Золотой крест с золотой цепью остались в каюте.

«Надо же! Да чёрт с ним! Главное – выжить», – мелькнула мысль, и он крикнул Вадику и Серёге:

– Погнали на бак! Там есть ещё один плот!

Пробегая вдоль надстройки, Борзов наступил на пожарный шланг, валяющийся на палубе. Обнажённую ногу обожгло кипятком из шланга. От неожиданности он чуть не взвыл, но, не обращая внимания на боль, побежал вслед за Вадиком и Серёгой на бак.

Плот находился на фундаменте при входе в подшкиперскую.

Дверь в неё оказалась открытой. Борзов заглянул в неё, но там стояла кромешная темень, и только раздавался рокот дизеля аварийного пожарного насоса.

«Дизель работает, но почему нет воды в магистрали?» – удивился Борзов.

Он огляделся. Аварийного фонаря на переборке подшкиперской он не обнаружил, но перед её дверью стояли баллоны с кислородом и ацетиленом. Как ни долбал Борзов Серёгу, но тот, предвидя завтрашнюю работу, никогда не отсоединял от них шланги. Вот и сейчас эти шланги оказались прикрученными к баллонам.

Увидев спасительную картину, Борзов радостно крикнул:

– Серёга! Зажигай горелку!

Серёга, ничего не поняв, быстро размотал шланг, открыл баллон и зажёл горелку.

Борзов, не дожидаясь, пока Серёга отрегулирует пламя, выхватил у него горелку и бросился внутрь подшкиперской, подсвечивая ею себе путь.

Так и оказалось, как он думал. Дизель работал, и муфта насоса оказалась соединённой с ним.

Дизель запускался отлично. Месяц назад Борзов сам поменял на нём форсунки с топливным насосом.

Но на приёмной магистрали насоса располагалось два клапана. Один из форпика, а другой из-за борта. Клапан из форпика покрашен зелёным цветом, а который из-за борта – красным. Открытым оказался зелёный клапан.

Воду из форпика откатали после окончания погрузки, и он сейчас был пустой.

Кто-то при запуске дизеля перепутал клапана. Ведь в темноте цвета клапана не разглядишь. Что тебе красный, что зелёный – в темноте всё чёрное.

Насос, который находился ниже, на уровне ватерлинии, из-за отсутствия воды перегрелся, заклинил, и его привод, ведущий наверх, к дизелю, срезало. Поэтому в пожарную магистраль вода не пошла. Насос только выкачал небольшой остаток воды из форпика, который и поступил в пожарную магистраль. Вот этими остатками воды Борзову и обожгло

ногу.

Пока Борзов осматривал дизель, Серёга с Вадиком освободили плот от креплений, а потом они втроём также выкинули его за борт. Проследив за плотом, Борзов с удовлетворением увидел, что и он начал раскрываться.

Они все вместе прошли к трюму номер два, где столпились филиппинцы, спустившие через фальшборт штормтрап и ждущие, когда к нему подойдёт шлюпка. Все они возбужденно о чём-то горячо спорили.

Экипаж шлюпки собрал три выкинутых плота и подволол их к штормтрапу.

Капитан отдал приказ:

– Экипажу покинуть борт судна!

И экипаж по штормтрапу начал спускаться в подошедшую шлюпку, а часть его стала перебираться в плоты.

Большинства филиппинцев с собой прихватили даже личные вещи. Они не боролись за живучесть судна, с пожаром. Они спасали свои шкуры.

Капитан, дождавшись, когда последний филиппинец спустится в шлюпку, встал на штормтрап и, оглядев опустевшую палубу, тоже спустился в неё.

Борзов с разочарованием посмотрел на свою одежду, ту, в которой ему придётся неизвестно сколько «куковать» на этих плотях.

На нём оказались только старая футболка с шортами, ре-

зиновые тапки на босу ногу, часы и обручальное кольцо. Это так он покинул борт судна. Остальные вещи остались в каюте и сгорели.

Вадик был одет так же, а вот Серёга оказался немного прозорливее.

Его каюта находилась первой от входа. В рейсе, конечно, в ней было не очень-то комфортно жить. Потому что каждый входящий и выходящий на палубу хлопал дверь. Иногда среди ночи Серёга от ударов «броняшки» просыпался и матерился на «разных недоделков». А вот сейчас ему повезло с расположением каюты. Он прихватил с собой одеяло, куртку, ящик сублимированной лапши и даже пластиковую электронную карточку, на которой у него в каком-то американском банке лежали деньги.

Со всем этим богатством они втроём перебрались на крайний плот.

Глава вторая

Погода стояла отличная, безветренная. Только метровая океанская зыбь равномерно то опускала, то поднимала плоты.

Плоты по своей конструкции имели повышенную остойчивость, поэтому их сильно «валяло» на зыби.

Перебравшись на крайний плот, Борзов командовал Вадику и Серёге:

– Так, ребята! Это наш плот! Возьмём сюда только капитана! Осмотритесь. Над входом в российских плотах должен быть нож. Серёга, посмотри! А в этом он есть там?

Серёга, преодолевая болтанку, пролез к входу и, повозившись, показал Борзову заветный пакет с ножом.

– Вадик! Смотри, вон контейнер со снабжением, – Борзов указал Вадику на объёмный свёрток из прорезиненной ткани, находящийся у одного из надувных бортов плота, к которому тот оказался плотно привязанным.

Борзов, отсоединив свёрток от борта, раскрыл его и убедился, что содержимое этого пакета ничем не отличалось от того, по которому они проходили обучение в тренировочном центре.

Очки Борзов оставил в каюте и поэтому, доставая очередной предмет из контейнера, показывал его Вадику, который читал этикетки.

Конечно, Вадика с английским не особо-то и дружил, но из прочитанных букв Борзов составлял слова, и становилось понятно, что находится в пакетах и упаковках.

Но на пакетах с водой ничего не надо пришлось читать. И так было ясно, что там вода. Вода находилась в пакетах и в запаянных банках. Борзов сразу же решил:

– Воду никому не давать! По воде будет строгий режим!

Вадик с Серёгой непонимающе посмотрели на него.

– Чего это вдруг? – В их голосах чувствовалось недовольство полученным приказом.

– А вот почему, – попытался объяснить Борзов. – Сигнал с аварийного буя только что пошёл в эфир. Его, конечно, сразу же обнаружат. Но пока его обсудят и решат, что делать, – пройдут сутки. До Гавайских островов пятьсот миль. До Мидуэя – триста. Чтобы добраться до нас, буксирам потребуется суток двое, а чтобы найти нас – ещё столько же. Нас же отнесёт и ветром, и течением. Значит, ещё пара суток. Итого – пять. А по закону подлости накиньте сюда ещё парочку. Вот тебе и получается – неделя. Так что эту воду надо растянуть на неделю для четверых человек.

– А кто четвёртый? – недоумённо посмотрел на Борзова Вадик.

– Кто, кто? Да капитан. Не будет же он с филиппками сидеть в их плотах! Он будет у нас, – уже решительно подытожил Борзов.

Возражений по этому поводу не последовало. Из контей-

нера достали галеты, пакетики с концентратами, рыболовные принадлежности и даже гелиограф.

Всё это Борзов аккуратно разложил по отдельным пакетам и закрепил у бортов плота.

А Вадик похвастался:

– И курево тоже будем экономить. Я перед пожаром только раскрыл новую пачку.

Он достал из кармана шортов пачку «Мальборо» и повертел ею.

– Ну, а это уж как получится, – пробормотал Борзов.

Курить хотелось не на шутку. Он посмотрел на часы. Было уже начало первого.

– Ну, если начинать экономить, то давай сейчас и закурим, – делано весело предложил он Вадиду.

Вадиду ничего не оставалось, как вытащить из пачки сигарету и протянуть её Борзову.

Они с Вадиком закурили и смачно пускали дым в отверстие входного лаза.

Выкурив сигарету, Борзов ощутил сильную жажду. Во рту всё пересохло, и нестерпимо хотелось пить. Но он сдержался и только старался выдавить из щёк слюну, чтобы смочить ею рот.

Увидев его страдания, Серёга посоветовал:

– Владимирыч, а ты забортной водой прополощи рот.

– Ты что? – взвился Борзов. – Ни в коем случае не пить и не употреблять морскую воду. Отравитесь и сдохнете.

Конечно, все они об этом знали. Только в данный момент Серёга почему-то об этом забыл.

Нестерпимо саднила обожжённая нога. Борзов уселся на борту плота и опустил в чистую тёплую воду ногу. Температура воды была двадцать пять градусов. Это он сегодня видел на термометрах в машинном отделении. А у поверхности она была, наверное, немного выше. На какое-то время боль прекратилась, и он огляделся.

Плоты матросы связали между собой и привязали к шлюпке. Шлюпка отвела их метров на сто от борта судна.

«Леди Белла» уже начала проседать на корму. По всей видимости, резиновые прокладки на трубопроводах охлаждения механизмов в машинном отделении прогорели, и забортная вода из них начала поступать в машинное отделение.

Из иллюминаторов надстройки всё ещё виднелись открытые языки пламени, и оттуда валил густой чёрный дым. Чувствовалось, что в надстройке продолжал бушевать пожар.

Из капов машинного отделения выход языков пламени уже прекратился, но оттуда также валил чёрный дым, хотя он уже не такой густой, как из надстройки. По всей видимости, вода, поступавшая через сгоревшие прокладки трубопроводов забортной воды, способствовала прекращению пожара в машинном отделении.

Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо, что от пожара в машинном отделении не пере-

грелись и не взорвались танки с дизельным топливом. Плохо то, что машинное отделение затапливалось. Естественно, сейчас уже ничего невозможно сделать для его восстановления, но это уже не главное. Главное – останется ли судно на плаву после затопления машинного отделения.

Хотя груза по весу судно взяло в Корею и Китае не очень много. В Китае во все трюмá загрузили парафин. А в Корее на твиндеки и палубу загрузили различные автомобили. На первом трюме, поперёк крышки, даже стоял шикарный катер.

Так что имелся минимальный шанс, что судно не утонет. Борзов на всё смотрел как со стороны. Как будто это всё происходит не с ним. Как будто он смотрит фильм или ему снится сон. Ему казалось, что если он немного напряжётся, то проснётся, и весь этот кошмар исчезнет, и он окажется в своей каюте на мягком тёплом диване.

Это состояние его как-то отвлекло от действительности. Он погрузился в него в ожидании чуда. Немного напрягся, потряс головой, чтобы прогнать кошмарный сон и проснуться, но сон не проходил.

Перед ним также находилась «Леди Белла», глубоко просевшая на корму, а из иллюминаторов надстройки то здесь, то там вырывались зловещие языки пламени и валил чёрный дым.

Скинул с себя оцепенение, навеянное предполагаемым сном, Борзов огляделся и увидел в шлюпке капитана. Пома-

хал тому рукой, он прокричал:

– Кэптин Брэдли! Иди сюда. Нас тут только трое!

Капитан услышал Борзова, повернулся к нему и прокричал в ответ:

– Спасибо, чиф. Я приду немного позднее.

Плоты нещадно мотало на зыби. В них можно было находиться, если только распереться. То есть пришлось раскинуть руки и ноги, таким образом увеличивая площадь своего соприкосновения с резиновым днищем плота, и попутно руками держаться за внутренние леера.

Вода оказалась тёплая, так что на днище можно было комфортно лежать.

Вадик выглянул в дверь плота и повернулся к Борзову:

– Владимирыч, смотри, что творится с филиппками!

Борзов на четвереньках подполз к двери и выглянул наружу. С соседнего плота свесились два филиппка. Их не на шутку полоскало. Рвотные движения следовали одно за другим, но из их нутра уже ничего не выходило. Они в бессилии лежали, свесившись с мягкого борта, и только стонали:

– Воды, воды....

Вадик, увидев такую картину, обречённо проговорил, покачивая головой:

– Да, не жильцы они, если ещё недельку мы здесь проболтаемся.

Из двери соседнего плота высунулась голова четвёртого

помощника:

– Чиф! Дайте воды! Мы умрём без воды! – в панике орал он.

– А ваша вода где? – в ответ прокричал Борзов.

– Мы её уже выпили, – истерично продолжал вопить четвёртый помощник.

– Как выпили?! У вас же на плоту был запас воды на десять дней для двадцати человек. А вас-то всего двенадцать! Вы что наделали?! Прошёл же только час! Что вы будете делать дальше?!

Но филиппинец ничего не слушал и не понимал. Он только истерично кричал:

– Воды... Воды...

– Воды им не давать, – крикнул по-русски внутрь плота Борзов. – Если отдадим её, то сами через пару дней будем такими же. Панике не поддаваться!

Он вновь сел на борт плота и опустил обожжённую ногу за борт. Вода ласково приняла её, и боль от ожога значительно снизилась, хотя в некоторых местах на ступне проступали пузыри от ожогов.

Вскоре капитан перебрался к ним на плот. Ему, как и любому обычному человеку, требовалось поговорить.

Борзов вскрыл банку с водой и предложил капитану отпить первым. Капитан сделал небольшой глоток, посмаковал воду во рту, а потом и второй. После этого он передал банку Борзову со словами:

– А пиво было бы лучше. – И они невесело рассмеялись.

– Пожар уменьшается, – стал рассуждать капитан. – Опасности взрыва нет. Значит, через час можно будет подойти к борту и подняться на него. В машинах мы сможем переночевать и спрятаться от солнца и ветра. Там будет теплее. Таким образом мы сможем дожидаться спасательных судов.

Он это говорил, как будто рассуждая сам с собою, но чувствовалось, что ему нужна поддержка в его правоте.

– Ты абсолютно прав, капитан, – согласился с ним Борзов. – Надо подойти к борту и высадиться на судно. Там не так будет качать. – И, кивнув на соседний плот, продолжил: – И они останутся живы.

Наверное, этих слов и не хватало капитану.

Они вместе с Борзовым смотрели на просевшую на корму «Леди Беллу» и на закопчённую надстройку, из иллюминаторов которой выходил дым. Судя по его цвету и интенсивности пламени, можно было предположить, что пожар в надстройке подходил к концу.

Но тут из рации, которая висела на груди капитана, раздался далёкий скрипучий голос:

– «Леди Белла», «Леди Белла»! Это «Алика». Если вы меня слышите, ответьте мне. Приём. – Так монотонно и скрипуче вещал далёкий спасительный голос.

Капитан тут же стал отвечать:

– «Алика», «Алика»! Это «Леди Белла». Я слышу вас хорошо. Приём.

Голос из рации оживился:

– «Леди Белла»! Это «Алика»! Как ваши дела? Вы где находитесь?

Капитан тут же стал описывать ситуацию:

– «Алика»! Я капитан Брэдли. Вместе с экипажем нахожусь на трёх плотках и шлюпке в сотне метрах от судна. Пожар в надстройке уменьшился, и я планирую высадиться вновь на борт судна.

– «Леди Белла»! Говорит капитан. Есть ли у вас пострадавшие или погибшие? – продолжал голос из рации.

– «Алика»! Говорит капитан. Бог был к нам благосклонен, погибших нет, только у старшего механика обожжена нога.

– «Леди Белла»! Говорит капитан. Ждите меня. Я через несколько часов должен подойти к вам.

– «Алика»! Говорит капитан. Спасибо, мастер! Мы будем вас ждать на борту судна.

– «Леди Белла»! Говорит капитан. До встречи, кэптин Брэдли. – И рация замолкла.

Капитан высунулся из плота и прокричал:

– Чиф! Ты где?

– Здесь я. – Из соседнего плота высунулась взъерошенная голова старпома.

– Запускайте мотор шлюпки, – скомандовал капитан. – Мы идём к борту судна и будем туда высаживаться.

– Я всё слышал! – радостно завопил старпом, высоко над головой подняв точно такую же рацию.

Мотор шлюпки запустили, и шлюпка медленно пошла к борту несчастной «Леди Беллы», таща за собой караван из трёх плотов.

На палубе филиппинцы преобразились. Среди них уже не оказалось страдающих и умирающих. Они быстро сосались по палубе и по-хозяйски принялись устраиваться в машинах, которые являлись грузом. Дверцы у машин почему-то в рейсе держались не запёртыми, и залезть внутрь каждой из них не составило труда.

Матросы и в предыдущем рейсе повытаскивали из таких же машин магнитофоны с колонками. Поэтому вечерами в районе кают филиппинцев всегда было весело – изо всех щелей грохотала музыка.

Боцман вежливо подошёл к капитану и предложил ему место в небольшом автобусе, стоящем на крышке третьего трюма.

С капитаном туда прошли и Борзов с Вадиком и Серёгой.

Посидев в автобусе и немного отдохнув от качки, Борзов решил обследовать обстановку с пожаром. Он перебрался на крышку четвёртого трюма и с опаской подошёл к лобовой надстройке.

От неё пахло жаром и вонью от сгоревшей резины и пластика. Через разбитые иллюминаторы виднелись раскалённые угли догорающих остатков интерьера помещений.

Борзов с волнением смотрел на них. Ведь прямо под надстройкой находились два танка с дизельным топливом.

«Крыши» этих танков были также не заизолированы. И только с трудом представлялось, какая температура образовалась внутри этих танков. К тому же они не были герметичны. Их воздушники выходили на главную палубу тут же, у углов надстройки. Так что пары топлива могли выходить из них, а при поднесении к ним открытого огня, могло произойти их воспламенение и тогда... Борзов откинул невольно пронзившую его мысль и продолжил обследование палубы.

Что не позволило топливу взорваться в этих танках? Борзов не мог и предположить. Температура самовоспламенения дизельного топлива в танках, согласно паспортам, была в районе трёхсот градусов. Значит, пожар не нагрел топливо в танках до температуры, чтобы солярка закипела, поэтому и не произошло её самовоспламенение.

«Слава богу, что он затих, – подумал о пожаре Борзов и перекрестился. – Бог и тут к нам благосклонен. Но долго ли это будет продолжаться?»

Невесёлые мысли бродили в его голове. И он, чтобы прервать их, ещё немного побродил по палубе и вернулся в автобус.

На сиденьях автобуса он увидел разложенные галеты, шоколад и красовалась белая пятилитровая канистра с водой.

– Откуда такое богатство? – удивился Борзов, вопросительно посмотрев на Вадика.

Тот хитро подмигнул Борзову.

– Филины полезли в катер и раздербанили его. Пришлось

их заставить поделиться с нами. А это тебе, Владимирыч. – Вадик протянул Борзову спасательный жилет. – Ведь мы с тобой остались безжилетными. – И он весело рассмеялся.

Видно, ощутив под собой твёрдую палубу и зная, что помощь придёт через несколько часов, он избавился от стресса.

Вадик расслабился и, развалившись на одном из диванов автобуса, похрустывал галетами, запивая такое богатство водой.

В автобус зашёл капитан.

– Смотрите! Уже видно «Алику», – указал он в сторону правого борта.

Борзов посмотрел на капитана и коротко рассказал ему о том, что он только что видел в надстройке.

– Пока всё нормально. – Борзов криво усмехнулся. – Пожар в надстройке почти прекратился. Остались только незначительные очаги горения, но они идут на убыль. Если всё будет продолжаться так же, то опасность взрыва дизельного топлива в танках исчезнет.

Капитан внимательно выслушал Борзова и перекрестился:

– Наверное, Бог сегодня с нами.

– Мне тоже так показалось, – согласился с ним Борзов, непроизвольно перекрестившись.

Выйдя из автобуса, он увидел, как на крышках трюмов прыгали и вопили от радости филиппинцы. Они махали ру-

ками и что-то бессвязно кричали. Хотя «Алика» только появилась на горизонте. Её надстройка едва показалась над водой. Конечно, радостных моряков «Леди Беллы» с «Алики» никто не видел, но это никому не мешало выражать свой восторг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.